

СОКРОВИЩА РОДНОГО СЛОВА.

82.30
С 59

ВЫП. I-II.

M

Ворисъ СОКЛОВЪ.

8РР
С 59

891

БЫЛИНЫ.

Историческій очеркъ, тексты и комментаріи.

47901
RDP
C59

ПРОВЕРКА
1933 г.

ЧИТАЛЬНЯ
Московской Городской
Центральной
БИБЛИОТЕКИ.

1950

Московская Центральная
Публичная Библиотека

Москва—1918.

6. Илья Муромецъ и Идолище.

Какъ сильное могучо-то Иванище,
Какъ онъ Иванище справляется,
Какъ онъ-то тутъ Иванъ да снаряжается
Итти къ городу еще Еросблиму,
Какъ Господу тамъ Богу помолитися,
Во Ердань тамъ рѣченкѣ купатися,
Въ кипарисномъ деревцѣ сушитися,
Господнему да гробу приложитися.
А сильное-то могучо Иванище,
У его лапотцы на ножкахъ семи шелковъ,
Клюша-то ¹⁾ у его вѣдь сорокъ пудъ.
Какъ ино ²⁾ тутъ промежь-то лапотци поплетены
Каменья-то были самоцвѣтные.
Какъ меженный ³⁾ день да шель онъ по красному сол-
нышку,
Въ осенну ночь онъ шель по дорогомю каменю самоцвѣт-
ному.

Ино тутъ это сильное могучее Иванище
Сходилъ къ городу еще Еросблиму,
Тамъ Господу-то Богу онъ молился есть,
Во Ердань-то рѣченкѣ купался онъ,
Въ кипарисномъ деревцѣ сушился бы,
Господнему-то гробу приложился да.
Какъ тутъ-то онъ Иванъ поворотъ держалъ,
Назадъ-то онъ тутъ шель мимо Царь-отъ градъ.
Какъ тутъ было еще въ Царѣ-градѣ
Наѣхало погано тутъ Идолище,
Одолѣли какъ поганы всѣ татарева,
Какъ скоро тутъ святые образа были поколоты,
Да въ черны-то грязи были потоптаны,
Въ Божьихъ-то церквахъ онъ началъ тутъ коней кормить.
Какъ это сильно могуче тутъ Иванище
Хватиль-то онъ татарина подъ пазуху,
Выташилъ погана на чисто поле

¹⁾ Клюва, посохъ. ²⁾ То. ³⁾ Жаркій, теплый.

А началъ у поганаго доспрашивать:

„Ай же ты, татаринъ да невѣрный былъ!

„А ты скажи, татаринъ, не утай себя:

„Какой у васъ погано есть Идолище,

„Великъ ли-то снѣ ростомъ собой да былъ?“

Говоритъ татаринъ таково слово:

— Какъ есть у насъ погано есть Идолище

— Въ долину двѣ сажени печатныхъ, ¹⁾

— А въ ширину сажень была печатная,

— А головище что вѣдь люто лохалище, ²⁾

— А глазища что пивныя чашища,

— А носъ-отъ на рожѣ снѣ съ локоть ³⁾ былъ.

Какъ хватилъ-то снѣ татарина тутъ за руку,

Бросилъ онъ его въ чисто поле,

А разлетѣлись у татарина тутъ косточки.

Пошелъ-то тутъ Иванище впередъ опять,

Идеи онъ путемъ да дорожкой,

Навстрѣчу тутъ ему да встрѣчается

Старый казакъ Илья Муромецъ:

„Здравствуй-ко ты, старый казакъ Илья Муромецъ!“

Какъ онъ его вѣдь тутъ еще здравствуетъ:

— Здравствуй, сильное могучо ты Иванище!

— Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,

— А ты откуль еще свой да путь держишь?

„А я бреду, Илья еще Муромецъ,

„Отъ того я города Еросѣлима.

„Я тамъ былъ ино Господу Богу молился тамъ,

„Во Ердань-то рѣченькѣ купался тамъ,

„А въ кипарисномъ деревцѣ сушился тамъ,

„Ко Господнему гробу приложился былъ.

„Какъ скоро я назадъ тутъ поворотъ держалъ,

„Шель-то я назадъ мимо Царь-отъ градъ.“

Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать,

Какъ началъ тутъ Ильюшенка доедывать:

Какъ все ли то въ Цари-градѣ по-старому.

— Какъ все ли-то въ Цари-градѣ по-прежнему?

А говоритъ тутъ Иванъ таково слово:

„Какъ въ Цари-градѣ-то нуьчу ⁴⁾ не по-старому,

„Въ Цари-градѣ-то нуьчу не по-прежнему.

„Одолѣли есть поганые татарева,

„Наѣхалъ есть поганое Идолище,

„Святые образа были поколоты,

„Въ черныя грязи были потоптаны,

„Да во Божьихъ церквахъ тамъ коней кормятъ“.

— Дуракъ ты, сильное могуче есть Иванище!

1) Клейменная, казенная. 2) Лохань. 3) Мѣра длины. 4) Теперь.

— Силы у тебя есть съ два меня,
— Смѣлости, ухватки половинки нѣтъ.
— За первыя бы рѣчи тебя жаловаль,
— За эти бы тебя и наказаль
— По тому-то тѣлу по нагому!
— Зачѣмъ же ты не выручилъ царя-то Костянтина Бо-
голицбова?

— Какъ ино скоро разувай же съ ногъ,
— Лапотцы разувай семи шелковъ,
— А обувай мои башмачки сафьяные.
— Сокручуся ¹⁾ я каликой перехожею.
Сокрутился онъ каликой перехожею,
Давать-то ему тутъ своего добра коня:
— На-ко, сильное могуче ты Иванище,
— А на-ко вѣдь моего ты да добра коня!
— Хотя ты ѣзди ль, хоть водкомъ води, ²⁾
— А столько еще, сильное могуче ты Иванище,
— Живи-то ты на уловномъ ³⁾ этомъ мѣстечкѣ,
— А живи-тко ты еще, ожидай меня,
— Назадъ-то сюда буду я обратно бы.
— Давай сюда клюшу-то мнѣ-ка сорокъ пудъ.
Не дойдетъ ⁴⁾ тутъ Ивану разговаривать,
Скоро подавать ему клюшу свою сорокъ пудъ,
В виаеть-то онъ отъ его тутъ добра коня.
Пошелъ тутъ Ильюшенка скорымъ-скоро
Той ли-то каликой перехожею.
Какъ приходилъ Ильюшенка во Царь-отъ градъ,
Хватилъ онъ тамъ татарина подъ пазуху,
Вытащилъ его онъ на чисто поле,
Какъ началъ у татарина допрашивать:
— Ты скажи, татаринъ, не утай себя,
— Какой у васъ невѣжа есть поганый съль,
— Поганый былъ поганое Идолище?
Какъ говоритъ татаринъ таково слово:
„Есть у насъ поганое Идолище
„А росту двѣ сажени печатныхъ,
„Въ ширину сажень была печатная,
„А головище что вѣдь лютое лохалище,
„Глазища что вѣль пивныя чашища,
„А носъ-отъ вѣдь на рожѣ съ локоть былъ“.
Хватилъ-то онъ татарина за руку,
Бросилъ онъ его во чисто поле.
Разлетѣлись у его тутъ косточки.
Какъ тутъ-то вѣдь еще Илья Муромецъ,

¹⁾ Одѣнусь, наряжусь. ²⁾ Водить за поводъ. ³⁾ Мѣсто, гдѣ легко
пойти, встрѣтиться. ⁴⁾ Не приходится.

Заходитъ Ильюшенка во Царь-отъ градъ,
Закричалъ Илья тутъ во всю голову:
— Ахъ ты, царь да Костянтинъ Боголюбовичъ
— А дай-ка мнѣ каликѣ перехожіи ¹⁾
— Злато мнѣ, милостыню спасеную.
Какъ ино царь-онъ Константинъ-онъ Боголюбовичъ
Онъ-то вѣдь ужъ тутъ зрадовается.
Какъ тутъ въ Цари-градѣ отъ крику еще каличьяго
Терема-то вѣдь тутъ пошаталися,
Хрустальные оконнички посыпались,
Какъ у поганаго сердечко тутъ ужаснулось.
Какъ говорить поганый таково слово:
„А царь ты Костянтинъ Боголюбовъ были!
„Какой это калика перехожая?“
Говоритъ тутъ царь Костянтинъ таково слово:
— Это есте русская калика здѣ.
„Возьми-ко ты каликушку къ себѣ его,
„Корми-ко ты каликушку да пой его,
„Надай-ко ему ты злата серебра,
„Надай-ко ему злата ты долюби“. ²⁾
Езималъ онъ царь Костянтинъ Боголюбовичъ,
Езималъ онъ тутъ каликушу къ себѣ его
Въ особый-то покой да въ потайный,
Кормилъ, поилъ калику, зрадовается,
И самъ-то онъ ему вопроговоритъ:
„Да не красное ль то солнышко пороспекло,
„Не младъ ли здѣ свѣтель мѣсяць порозсвѣтилъ?
„Какъ нунечку топеречку здѣ еде
„Какъ намъ еще сюда показался бы
„Какъ старый казакъ здѣсь Илья Муромецъ.
„Какъ нунъ-то есть было теперечку
„Отъ той бѣды онъ насъ повыручить,
„Отъ той отъ смерти безнапрасныя!“
Какъ тутъ это поганое Идолище
Взимаеть онъ калику на доспросъ къ себѣ:
— Да ай же ты, калика было русская!
— Ты скажи, скажи, калика, не утай себя,
— Какой-то на Руси у васъ богатырь есть,
— А старый казакъ есть Илья Муромецъ?
— Великъ ли онъ ростомъ, по многу ль хлѣба ѣсть,
— По многу ль еще пьетъ зелена вина?
Какъ тутъ эта калика была русская
Началъ онъ калика тутъ высказывать:
„Да ай же ты, поганое Идолище!
„У насъ-то есть во Кіевѣ

¹⁾ Т.-с. перехожей. ²⁾ До сыта, сколько хочеть,

„Илья-то вѣдь да Муромецъ
„А волосомъ да возрастомъ ровнымъ съ меня,
„А мы съ имъ были братьица крестовые,
„А хлѣба ѣсть какъ по три-то колачика крупивчатыхъ,
„А пьеть-то зелена вина на три пятачика на мѣдныхъ“.
— Да чортъ-то вѣдь во Кіевѣ-то есть, не богатырь былъ!
— А былъ бы-то вѣдь здѣ да богатырь тотъ,
— Какъ я бы тутъ его на долонь-ту ¹⁾ клаль,
— Другой рукой опять бы сверху прижалъ,
— А тутъ бы еще да вѣдь блинъ-то сталъ,
— Дунулъ бы его во чисто поле!
— Какъ я-то еще вѣдь Идолище
— А росту двѣ сажени печатныхъ,
— А въ ширину-то вѣдь сажень была печатная,
— Головище у меня да что люто лохалище,
— Глазища у меня да что пивныи чашища,
— Носъ-отъ вѣдь на рожѣ съ локоть бы.
— Какъ я-то вѣдь да къ выти ²⁾ хлѣба ѣмъ
— А вѣдь по три-то печи печеныхъ,
— Пью-то я еще зелена вина
— А по три-то ведра я вѣдь мѣрныхъ, ³⁾
— Какъ штей-то ⁴⁾ я хлебау, по яловицы ⁵⁾ есте русскія.
Говоритъ Илья тутъ таково слою:
„У насъ какъ у попа было ростовскаго
„Какъ была что корова обжориста,
„А много она ѣла, пила, тутъ и треснула,
„Тебѣ-то бы поганому да также быть“.
Какъ этии тутъ рѣчи не слюбилися,
Поганому ему не къ лицу пришли,
Хватилъ какъ онъ ножище тутъ кинжалище
Со того стола со дубова,
Какъ бросилъ онъ во Илью-то Муромца,
Что въ эту калику переходую.
Какъ тутъ-то вѣдь Ильи не доидеть сидѣть, ⁵⁾
Какъ скоро онъ отъ ножика отскакивалъ,
Колпакомъ тотъ ножикъ пріотваживалъ. ⁶⁾
Какъ пролетѣлъ тутъ ножикъ да мимо-то,
Ударилъ онъ во дверь во дубовую,
Какъ выскочила дверь тутъ съ ободвериной, ⁷⁾
Улетѣла тая дверь да во сѣни-ты,
Двѣнадцать тамъ своихъ да татаровей
Намертво убило, друго ⁸⁾ ранило.
Какъ остальни татара проклинаютъ тутъ:

¹⁾ Ладонь. ²⁾ Къ обѣду. ³⁾ Содержащій полную, опредѣленную мѣру
⁴⁾ Щей. ⁵⁾ Цѣлая толка. ⁶⁾ Не приходится. ⁷⁾ Отводилъ, отстранилъ..
⁸⁾ Косякъ. ⁹⁾ Другихъ.

— Буди трою проклять, нашъ татаринъ ты! —
Какъ тутъ опять Ильюшѣ не дойдетъ сидѣть,
Скоро онъ къ поганому подскакивалъ,
Ударилъ какъ клюшой его въ голову,
Какъ тутъ-то онъ поганый ца захамкалъ ¹⁾ есть.
Хватилъ затѣмъ поганого онъ за ноги,
Какъ началъ онъ поганымъ тутъ помахивать,
Помахивать Ильюша, выговаривать:
„Вотъ мнѣ-ка, братцы, нунчу оружье по плечу пришло“.
А бьетъ-то, самъ Ильюша выговариваетъ:
„Крѣпокъ-то поганый самъ на жилочкахъ,
„А тянется поганый, самъ не рвется“.
Началъ онъ поганыхъ тутъ охаживать ²⁾
Какъ этымъ поганымъ Идолищемъ.
Прибилъ-то онъ поганыхъ всѣхъ въ три часа,
А не оставилъ тутъ поганого на сѣмена.
Какъ царь тутъ Костянтинъ-онъ Боголюбовичъ
Благодарствуетъ его Илью Муромца:
— Благодаримъ тебя ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
— Нонь ты насъ еще да повыручилъ,
— А нонь ты насъ еще да повыключилъ ³⁾
— Отъ той отъ смерти безнапрасныя.
— Ахъ ты, старый казакъ да Илья Муромецъ!
— Живи-тко ты у насъ на жительство,
— Пожалую тебя я воеводую. —
Какъ говоритъ Илья ему Муромецъ:
„Спасибо, царь ты Костянтинъ Боголюбовичъ!
„А послужилъ у тя столько я три часу,
„А выслужилъ у тя хлѣбъ-соль мягкую,
„Да я у тя еще слово гладкое,
„Да еще увѣтливо ⁴⁾ да привѣтливо.
„Служилъ-то я у князя Володимера,
„Служилъ я у его ровно тридцать лѣтъ,
„Не выслужилъ-то я хлѣба-соли тамъ мягкія,
„А не выслужилъ-то я слова тамъ гладкаго,
„Слова у него я увѣтлива есть привѣтлива.
„Да ахъ ты, царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
„Нельзя-то вѣдь еще мнѣ здѣ-ка жить,
„Нельзя-то вѣдь-то было, невозможно есть:
„Оставленъ есть оставешъ ⁵⁾ на дороженкѣ“.
Какъ царь-тотъ Костянтинъ Боголюбовичъ
Насыпалъ ему чашу красна золота,
А д, угую-ту чашу скачна ⁶⁾ жемчугу,
Третью еще чиста серебра.

1) Зажевалъ. 2) Ударять, бить. 3) Небаеилъ. 4) Ласковое. 5) Оста-
ожидаяшій человекъ. 6) Скатнаго, крупнаго, круглаго.

Какъ принималъ Ильюшенка, взималъ къ себѣ,
 Высыпалъ-то въ карманъ злато серебро,
 Тотъ ли-то этотъ скачный жемчужокъ,
 Благодариль-то онъ тутъ царя Костянтина Боголюбова:
 „Это вѣдь мое-то заработное“.
 Какъ тутъ-то съ царемъ Костянтиномъ распростилися,
 Тутъ скоро Ильюша поворотъ держалъ.
 Придетъ онъ на уловно это мѣстечко,
 Ажно ¹⁾ тутъ Иванище притаскано, ²⁾
 Да ажно тутъ Иванище придерзано. ³⁾
 Какъ и приходитъ тутъ Илья Муромецъ,
 Скидывалъ онъ съ себя платья-ты каличи,
 Розувалъ лапотцы семи шелковъ,
 Обувалъ на ножки-то сапожки сафьянные,
 Надѣвалъ на ся платица цвѣтная,
 Взималъ тутъ онъ къ себѣ своего добра коня,
 Садился тутъ Илья на добра коня,
 Тутъ-то онъ съ Иванищемъ еще распрощается:
 „Прощай-ко нунь ты, сильное могуче Иванище!
 „Впредь ты такъ да больше не дѣлай-ко,
 „А выручай-ко ты, Русію отъ поганныхъ“.
 Да поѣхалъ тутъ Ильюшенка во Кіевъ градъ.

Житіе ростовскаго святого Авраамія, которое мы сравниваемъ (Очеркъ стр. 31) съ былиной объ Идолищѣ, представляетъ изъ себя соединеніе нѣсколькихъ чисто легендарныхъ мотивовъ и основано на мѣстныхъ ростовскихъ сказаніяхъ. Былина приписала борьбу и побѣду надъ идоломъ ростовскому популярному богатырю Алешѣ Поповичу, лишь позднѣе замѣнецкому, и то не во всѣхъ былинахъ, Ильей Муромцемъ. (См. Очеркъ стр. 30—31, а также примѣчаніе къ предыдущей былинѣ). Житіе прикрѣпляетъ этотъ подвигъ къ ростовскому святому Авраамію. Объ Аврааміи историческихъ свидѣтельствъ почти не сохранилось. Для сравненія съ былинной приводимъ выписки изъ житія св. Авраамія. Огорченный неудачными попытками сокрушить идола св. Іамій „скорбя сѣдѣше, и видѣ старца къ себѣ грядуща, благовѣйна образомъ суца; преподобный срѣте его“. Авраамій спросилъ: „Откуда, человекъ, грядеши, и коея страны еси, свягче Божій?“ И глагола ему старецъ: „Азь есмь, отче,

¹⁾ Какъ. ²⁾ Итаскано. ³⁾ Порвано.

Царяграда родомъ, пришлецъ есмь на земли вашей стран-
ный (т. е. странникъ“). Узнавъ о причинѣ скорби св. Авра-
амія, странникъ посовѣтовалъ ему итти въ Царьградъ въ
домъ (т. е. церковь) Іоанна Богослова, гдѣ онъ долженъ
получить желаемое. Разставшись съ старцемъ, Авраамій дви-
нулся въ путь, сокрушаясь о его „долготѣ“. „И прииде
Ишьну рѣку и срѣте челоуѣка страшна, благовѣйна обра-
зомъ, плѣшива, взлыса, брадою круглою великою, и красна
(красиваго, благообразнаго) суца зѣло, имуща въ руцѣ
трость“. Узнавъ отъ Авраамія, куда тотъ идетъ, „странный
мужъ“ сказалъ ему: „возьми, старче, сію мою трость и
возвратися и приступи къ идолу Велесу, избоди (ударъ) его
тростию сею во имя Іоанна Богослова и будетъ ти въ прахъ
окаянный“. И абіе невидимъ бысть“. Позналъ Авраамій, что
этотъ встрѣчный странникъ былъ самъ Іоаннъ Богословъ и
„страхомъ и радостью одержимъ возвратися вспять, прииде
къ идолу безъ возбраненія (безпрепятственно) и избоде его
тростию во имя Іоанна Богослова“.

Первоначальный образъ Идолица Поганого („поганыи“,
значилъ языческій, ср. лат. *paganus*), какъ языческаго идола,
постепенно въ былинныхъ пѣсняхъ слился съ образомъ наѣз-
жихъ враговъ-насилъниковъ: Батыги, Калина царя и Мамая и
другихъ; но несмотря на это въ былинахъ еще ясно можно
разглядѣть и его первоначальное значеніе.

Текстъ приведенъ по сборнику Гильфердинга № 48.

Литература: Указанныя въ примѣчаніи къ предыдущей былинѣ
статьи ак. В. Ѳ. Миллера и В. М. Соколова.

7. Камское побоище.

А къ чему же, братцы, приуныла луна небесная,
А помолкло-то ¹⁾ солнце красное?
А подымалася тутю Литва поганая,
Какъ подымалося поганое Идолище
А на тотъ же на Кіевъ-градъ,
А на ласкова-то князя на Владиміра.
Собираль-то онъ силы сорокъ царей,
А да сорокъ царей, сорокъ царевичей,
А да сорокъ-то королей да королевичей,
А какъ сорокъ-то атамановъ, сорокъ атаманщичковъ;
Подъ каждымъ-то было царемъ силы сорокъ тысячъ,
Подъ каждымъ было царевичемъ силы по сороку тысячъ,
Подъ каждымъ королемъ силы было по сороку тысячъ,
И подъ каждымъ королевичемъ силы было по сороку
тысячъ,
И подъ каждымъ-то атаманомъ, подъ атаманщичкомъ
силы было по сороку тысячъ;
Подъ самимъ-то Идолищемъ—числа-смѣты не было.
А какъ учуль-то ²⁾ тутъ да князь Владиміръ-же,
Онъ повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечъ,
А какъ самъ вѣдь говорилъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты бери-тко скоро чернилъ, бумагъ;
Ты пиши-тко ярлыки да скорописчаты,
А да ты пиши-тко всѣхъ русскихъ могучихъ все бога-
тырей
А ко мнѣ, ко князю, все да на почестень пиръ,
Пиши-ко ко мнѣ на Камское побоище.
А садись-ко-ся, Добрыня, на ременчатъ стуль,
А пиши-то ярлыки ³⁾ да скорописчаты:
У тебя рука легка, и перо остро.
А какъ въ перву-ту голову пиши Самсона сына Колу-
баева,
А другу-ту голову пиши Дуная сына Иванова,

¹⁾ Утихло, скрилось. ²⁾ Услышалъ, узналъ. ³⁾ Грамоты, письма.

Во-третьихъ-то пиши Святогора Гурьева,
Святогора-то пиши да со племянникомъ,
А Ремянника пиши да со племянникомъ,
Пересмету ты пиши да со племянникомъ,
Перемяку пиши да со племянникомъ,
А да Рошшу, Рошшу-Рошшиби колпакъ да со племянни-
комъ,

А пиши-тко двухъ-то брателковъ Петровичей,
А двухъ брателковъ пиши-тко ты Сбродовичей,
Пиши-тко-се Иванушка сына Годенова,
Пиши-ко-се Гаврила Долгополаго:
Онъ силой-то силенъ, только полы долги;
А пиши-тко-се Потыка сына Иванова,
А пиши-тко-се Алешеньку Поповича:
Онъ хошь силой-то не силенъ, такъ напускомъ смѣлъ“.
А какъ написали всѣ ярлыки да скорописчаты,
Они скоро-то писали, запечатали.
А какъ говорилъ-то тутъ самъ Владиміръ-князь:
„Ужь ты гой еси, Михайло сынъ Игнатъевичъ!
А да какъ-то есть у тя, Михайлушко, коничекъ малеше-
некъ,

А малешенекъ твой коничекъ Голубанушко, удалешенекъ:
Въ трои сутки ты объѣзди по святой Руси,
Облови-тко ты всѣхъ русскихъ могучихъ богатырей,
А не забывай ты ихъ ни одинаго“.
А какъ бралъ-то Михайло ярлыки да скорописчаты
А какъ въ сумочку-то, въ котомочку,
А какъ молится онъ Спасу-то Пречистому,
Поклоняется-то матери-то Божьей Богородицѣ,
А прощается-то съ княземъ со Владиміромъ,
А прощается-то съ княземъ да во рученьку во правую,
Со всѣми-то русскими богатыри.
А онъ скоро пошелъ да на свой на широкій дворъ,
Какъ сѣдлалъ-то онъ, уздалъ скоро добра коня;
А какъ падалъ родной-то матушкѣ да во рѣзвы ноги,
А просилъ онъ благословленья ѣхать на святую Русь.
А давала-то ему все родна матушка да благословленьце,
А какъ та же Амельфа Тимоѣевна,
А какъ навѣки давала нерушимое
А какъ съѣздитъ на святую Русь.
Выходилъ онъ, молился-то Спасу Пречистому,
Поклонялся-то матери Божьей Богородицѣ,
Что прощался онъ съ своей да родной матушкой,
Выходилъ-то онъ да на широкій дворъ,
А онъ скоро, легко скакалъ на добра коня,
А да какъ стегалъ-то коня по крутымъ бедрамъ,
А добру коню да приговариваль:

„Ты бѣжи-тко, мой конь, скоро, какъ стрѣла каленая,
А бѣжи-тко скоро по чисту полю“.

Какъ не видѣли его поѣздки богатырскія:

Онъ изъ города поѣхаль не воротами не широкими,

А скакаль онъ черезъ стѣну городовую,

А да черезъ ту же башню наугольную;

А какъ только видѣли: во чистомъ полѣ да курева¹⁾
стоитъ,

Курева стоитъ, да только столбъ столбитъ.

Онъ поѣхаль скоро къ Самсону Колубаеву подь окошечко
косящато,²⁾

А кричалъ-то своимъ зычнымъ голосомъ:

„Ужъ ты гой еси, Самсонъ да Колыбаевъ же!

А какъ билъ челомъ тебѣ да низко кланялся

А какъ нашъ же Владиміръ-князь да стольно-кіевскій,

А какъ зваль-то онъ тебя да на почестень пирь“.

А да подаваль-то онъ изъ сумочки ярлыкъ да скоро-
писчатый;

Принималь-то изъ окошечка Самсонъ, да Колыбаевъ
сынъ,

А онъ скоро все распечатываль, прочитываль.

А скочиль-то онъ да на рѣзвы ноги,

Ретиво его да сердце разъярилося,

Лѣпета³⁾ въ лицѣ перемѣнилася,

Горяча кровь въ немъ да раскипѣлася,

Богатырски плечи шевелилися;

Самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи,

Таковы рѣчи да таковы слова:

„Ужъ вы гой еси, мои слуги вѣрныя!

А подите ко мнѣ да на широкій дворъ,

Выводите моего все добра коня,

Надѣвайте-ко на его сѣдельшко черкальское,⁴⁾

А накладывайте мои приспѣхи богатырскіе“.

А какъ ту слуги да не ослышились.

Какъ во ту пору, во то время

А пріѣхаль-то Михайлушко къ Дунаю къ широку двору,

А кричалъ онъ ему да громкимъ голосомъ:

„Ужъ ты гой еси, Дунай сынъ Ивановичь!

Ты живешь—да ничего не знаешь, не вѣдаешь:

А какъ тѣ бьетъ челомъ да все Владиміръ-князь—

А на то же на сильное на Камское побоище,

А да тебя зваль-то онъ на почестень пирь,

На почестень пирь все да пиво пить,

А побить-то силы все невѣрныя“.

1) Пыль. 2) Косящатое, сдѣланное изъ дощатыхъ косяковъ съ коло
дамъ. 3) Красота. 4) Черкальское.

Отпираль-то онъ окошечка немножечко,
Увидаль онъ тутъ Михайла сына Игнатъева.
„Ужь ты здравствуй-ко, мой названный братъ,
А названный братъ да ты крестовья!
Собирайся ты да къ намъ на почестень пирь, на Кам-
ское побоище“.
Какъ поѣхаль тутъ Михайлушко да по святой Руси,
А ка позваль тутъ русскихъ всѣхъ могучихъ все бога-
тырей.

А какъ зачали богатыри съѣзжатися,
А къ Самсону съѣзжатися на широкой дворъ;
Какъ зачали богатыри съѣзжатися,—
Какъ ясны соколы да все слетатися;
Они скоро собрались, да не ослышались.
Какъ поѣхали богатыри отъ Самсона широка двора,
А какъ ѣдутъ богатыри по чисту полю,—
Еще мать сыра земля да потрясается,
А въ рѣкахъ, озерахъ вода да колыбается.
А какъ со восточну-ту стороночку
А не темная туча тучилась,
А какъ темна туча какъ вѣдь грозная,
А какъ туча тучилась, какъ-бы громъ гремѣль,
Какъ-бы громъ гремѣль, да частый мелкий дождикъ шель:
А какъ вдругъ наѣхали тутъ все богатыри;
Они въ городъ Кіевъ ѣдутъ не воротами да не широкими,
А скакали черезъ стѣну городовую;
Какъ встрѣчаетъ князь Владиміръ со княгинею,
А встрѣчаетъ ихъ-то сударь Илья Муромецъ,
Какъ встрѣчаетъ ихъ да среди двора,
А встрѣчаетъ ихъ да низко кланяется.
Они скоро скакали со добрыхъ коней;
А какъ бьютъ челомъ да низко кланяются
Князю со княгинею, государю Ильѣ Муромцу.
Говорить-то Илья Муромецъ:
„Ужь вы здравствуйте, русскіе могучіе богатыри!
А намъ милости просимъ хлѣба-соли покушати,
А вина, пива попити же,
А намъ на Камское побоище:
Съ погаными татарами побитися“.
А весьма богатыри они вѣдь стали веселы-радостны;
А пошли они во гридни княженецкія,
А какъ въ тѣ въ палаты въ бѣлокаменны,
Какъ садились за тѣ столы окольные,
А какъ зачали пить-ѣсть да веселитися;
Они пили, веселились трои суточки.
Какъ не вешня-та вода да розливается,
Не морска волна да колыбается,

А погана сила невѣрна ко Киеву да подвигается.

Какъ отъ того вѣдь пару лошадинаго

Какъ помолкла луна небесная.

А приходитъ тутъ Владиміръ князь:

„Ужь вамъ полно, братцы, пить,—пора ѣхать во чисто поле;

А да полно вамъ да поклаждатися, ¹⁾

Надо ѣхать съ невѣрной силой управлятися!“

Какъ вскричалъ-то тутъ старая старинщина Илья Муромецъ:

— Мы безъ тебя-то знаемъ, безъ тебя вѣдаемъ!—

Тутъ Владиміру за бѣду пало, показалось;

Онъ пошелъ-то со честна пира, изъ гридни вонь

Ко своей-то молодой женѣ, къ Апраксеи Королевишнѣ.

Говоритъ тутъ старая старинщина да Илья Муромецъ:

„Ужь ты гой еси, Пересмета сынъ Степановичъ!

Ужь ты сѣзди-ко со своимъ да со племянникомъ,

Ужь ты сѣзди-ко въ чисто поле, на шоломя окатисто, ²⁾

А возьми-тко-се трубочку подзорную,

А какъ пересчитай-пересмечи эту силу великую,

Великую силу невѣрную“.

Тутъ Пересмета не ослышался;

А да шелъ-то онъ да на широкой дворъ

Со своимъ-то онъ да со племянникомъ.

(Въ тѣ поры-то богатыри да они спать легли,

Спать легли и отдохъ имѣть).

А садились они скоро на добрыхъ коней,

А поѣхали изъ города не воротами и не широкими,

А скакали черезъ ту стѣну да городовую,

Черезъ высокую башню наугольную;

Они скоро выѣзжали на шоломя да на окатисто,

Они брали трубочки подзорныя,

Какъ смотрѣли во всѣ четыре стороны;—

Не могли они узрѣть-усмотрѣть конца, ни краечку

А какъ тей-то силушки великія,

Не могли они сосчитать-сосметать силы великія:

А какъ вешняя вода да разливается,

Какъ морска волна да колыбается,

Еще мать сыра земля да потрясается.

Какъ пріѣхалъ Пересмета ко князю на широкой дворъ,

Какъ не спится старыя старинщинѣ да Ильѣ Муромцу;

А встрѣчаетъ ихъ да среди двора,

Говоритъ-то онъ да таковы рѣчи:

„Ужь ты гой еси, Пересмета сынъ Степановичъ!

А пересчиталъ ли ты силы великія?“

¹⁾ Прохлаждатся, медлить. ²⁾ Гора, холмъ.

Говорить-то Пересмета сынъ Степановичъ да таковы рѣчи:

— А не могъ-то я пересчитать силы великія:
Все ровно какъ вешна вода разливается,
А морска волна да колыбается,—
Какъ невѣрная сила ко городу ко Кіеву заподвигается.—
А какъ приходилъ тутъ старая старинщина Илья Муромецъ,

А какъ самъ онъ говорилъ да таковы рѣчи:
„А вамъ полно, братцы, спать-то, вамъ пора вставать,
А пора вставать, надоть намъ вѣдь путь смекать,
Намъ побрататься съ Идолицемъ надоть, поздороваться“.
А какъ тутъ богатыри да не ослышались;
Они скоро вѣдь скакали на рѣзвы ноги,
Умывались они свѣжей водой ключевою,
Утиралися они да полотенцами,
Какъ молилися они Спасу Пречистому,
Поклонялися они да матери Божьей Богородицѣ;
Пошли-то они да на широкой дворъ,
Скоро, легко скакали на добрыхъ коней,
Поѣхали по городу по Кіеву,
Скакали черезъ стѣну городовую,
Черезъ башню-ту да наугольную;
Отѣзжали они подалѣ во чисто поле,
Остановили они да добрыхъ коней,
Они соходили со добрыхъ коней.
Становили они бѣлы шатры полотняны;
А какъ ставили они крѣпкихъ сторожей, да караульщи-
ковъ,

А какъ двухъ-то русскихъ могучихъ-то богатырей:

А какъ первую голову—Гаврила Долгополага,

А другую голову—Алешеньку Поповича.

Говорить-то старикъ Илья Муромецъ:

„Ужъ вы гой еси, два богатыря!

А какъ буду я вамъ наказъ наказывать:

Не побѣжать ли эти поганые татарова, —

А какъ бейте ихъ да до одинаго,

Не оставляйте ихъ ни одинаго на сѣмяна“.

А на тутъ скакали богатыри да на добрыхъ коней,

А поѣхали богатыри въ силы великія,

Доѣзжали до той силы великія.

А да какъ остановили тутъ добрыхъ коней.

Говорить-то Илья Муромецъ, государь да таковы рѣчи:

„А кому, братцы, изъ насъ ѣхать въ середину-матицу ¹⁾

¹⁾ Матица—балка поперекъ всей избы; здѣсь въ переносномъ смыслѣ—
въ середину войска.

Ко тому же ко поганому Идолищу,
А какъ съ имъ поздороваться, побрататься,
А отсѣкчи ему буйна голова?“
Говорить Самсонъ-то, сынъ Ивановъ, Колябаевичъ:
— Ужъ ты гой еси, сударь Илья Муромецъ!
Не кому жъ-то ѣхать, какъ тебѣ, въ силу великую,
А отсѣкчи Идолищу буйну голову:
А тебѣ-то, Ильѣ Муромцу, во чистомъ полѣ смарть не
писана.—

Говорилъ тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ:
„Я когда уѣду какъ въ силу великую,
Зазвенить-то моя сабля вострая,
Заскрипятъ-то мои плечи богатырскія, —
А тогда вы разѣзжайте по силушкѣ великія,
А рубите вѣдь татаръ да до единого“.
Какъ поѣхалъ старый-то въ силушку великую,
А онъ мнетъ-то все конемъ силу поганую;
Онъ доѣхалъ до поганого Идолища.
Говорить-то Илья Муромецъ таковы рѣчи:
„Ужъ ты здравствуй-ко, поганое Идолище!
Я не дамъ тебѣ розорить-то города Кіева,
Въ полонъ взять князя Владиміра,
А церквей-то Божихъ подъ конюшни взять,
И не дамъ-то разорить монастыри спасенные“.
Тутъ спрашаеть поганое Идолище:
— Ужъ ты гой еси, дородный добрый молодецъ!
Ты скажи-тко, какой есть у васъ да Илья Муромецъ?—
„Я скажу про стара казака про Илью Муромца:
Сколь я толстѣ, великѣ, — столь Илья великѣ, толстѣ;
Еще платьѣ мы носимъ съ одного плеча,
А какъ кушаемъ да изъ одной чаши“.
Говорилъ тутъ поганое Идолище:
— А кабы былъ-то вашъ славенъ Илья Муромецъ,
На долонь бы посадилъ, другой—сверху прижалъ;
Промежду долонями одно мокро осталось.
А да я-то ѣмъ хлѣба по пяти печей,
А вина то пью сороковками.
„Ужъ ты гой еси, поганое Идолище!
У насъ-то на Руси у Ивана священника,
А была-то у его корова бурая;
Много пила ѣла—у ей брюшина лопнула;
У тебя, Идолища, скоро лопнетъ же“!
А какъ тутъ-то закричалъ поганое Идолище;
—Ужъ вы гой еси, палачи да немилосливы!
А схватите мужика да со добра коня,
Отсѣкните-ка ему да буйну голову.
А какъ то Ильѣ Муромцу за бѣду да показалось;

Его сердце разъярилося да разсердилось;
Лѣпета въ лицѣ да въ немъ перемѣнилася,
А горяча кровь да раскипѣлася,
А какъ плечи его да шевелилися;
Онъ вѣдь скоро хваталь саблю тяжелую,
А тяжелую, саблю вострую,
Стегаль-то онъ добра коня по крутымъ бедрамъ;
Онъ поскочилъ его добрый конь въ силушку великую;
А махнулъ-то онъ да саблей вострою
А какъ саму-то Идолищу да въ буйну голову
А во всю-то свою силу богатырскую,
А разсѣкъ онъ буйну голову
Вплоть до самаго сѣдельшка;
Развалился тутъ Идолище все надвое.
Началь-то въ силы поѣзживать, помахивать;
А впередъ махнетъ—сдѣлатъ улицей,
А назадъ махнетъ—да дѣлатъ переулками:
А зазвенѣла его да сабля вострая,
Заскрипѣли его плечи богатырскія;
Услыхала тутъ дружина-то хоробрая,
А какъ начали ѣздить, рубить по силушкѣ великія?
А впередъ махнуть—тутъ вѣдь улицей;
А назадъ махнуть—тутъ да переулками.
Они кое бьютъ, кое конями топчуть же;
Они били-рубилы немножко, немало—шестеры суточки,
Не пиваючи добры молодцы, не ѣдаючи,
Со добрыхъ коней да не сходяючись;
Что они прибили эту силушку да до одинаго.
Утомились ихъ все добры кони,
А у нихъ да приустали все бѣлы руки;
Они чуть сидятъ-то на добрыхъ коняхъ съѣзжаючись;
Ихни добры кони идутъ ступью бродовою.
Какъ доѣхали они да ко бѣлымъ шатрамъ,
Соходили они да со добрыхъ коней,
Насыпали имъ пшеницы бѣлояровой,
А спускали коней во чисто поле
А щипать-то, ѣсть травы муравья.
А да какъ во ту пору, во то время
Караульщикова у шатровъ не случилось:
Угонилися они да за татарами погаными,
За тѣми же за ихними богатыри.
Тутъ-то богатыри въ шатры спать легли;
Они крѣпко спали шестеры суточки;
А не спитъ-то сударь Илья Муромецъ,
Жалѣеть-то двухъ богатырей.
А какъ ѣдутъ богатыри да изъ чиста поля,
Они ѣдутъ да сами хвастають,

Какъ хвастаютъ, таковы рѣчи говорили:
„А кабы была на небеса да лѣстница,
А прибили бы силу небесную“.
А не спитъ въ тѣ поръ сударь Илья Муромецъ,
Не спитъ онъ, такъ лежитъ, все дѣло слушаетъ,
Выходилъ-то онъ да изъ бѣла шатра,
Говориль-то имъ да таковы рѣчи:
„Вы немалу себѣ, ребята, шуточку нашутили;
Еще какъ намъ эта шутка съ рукъ сойdetь?“
А ка спать-то богатыри, ничего не вѣдаютъ.
А прошли тутъ шестеры сутоки;
А отъ сна старый казакъ да пробуждается,
А выходитъ онъ да изъ бѣла шатра,
А какъ смотритъ онъ подалече въ чисто поле:
А какъ возстала тутъ вся сила поганая,
Говоритъ тутъ старый таковы рѣчи:
„Вамъ, братцы, полно спать, пора вставать!
Какъ осталася сила поганая;
А какъ надоть намъ съ ними побитися“.
Выходили богатыри да изъ бѣлыхъ шатровъ,
А какъ мылися они свѣжей водою ключевою,
Утирались они да бѣлы полотенцами,
А молилися они Спасу Пречистому,
А какъ матери-то Божьей, Богородицѣ;
Они скоро, легко скакали на добрыхъ коней,
А поѣхали къ той силѣ поганая,
А какъ начали рубить силу великую;
А кого сѣкутъ надвое,
Изъ того рождается двое же;
А кого сѣкутъ натрое,
Изъ того все трое рождается.
Они первый день билися съ утра до вечера,
А силы все не убавляется.
Говоритъ-то сударь нашъ Илья Муромецъ:
„Ужъ намъ полно, братцы, битися,
Живымъ съ мертвыми драться!
Ужъ проститъ насъ Господь а въ такой винѣ?“
Какъ молилися они Спасу пречистому;
А тутъ пала вся сила поганая.
А поѣхали въ тѣ поръ да ко бѣлымъ шатрамъ,
А Алешенька съ Гавриломъ—во чисто поле;
На вострыхъ копьяхъ они скололися.
А приѣхали богатыри да ко бѣлымъ шатрамъ,
А до обирали тѣ шатры полотняны;
Распростилися да всѣ богатыри,
А поѣхали богатыри да по своимъ мѣстамъ.

Основа этой былины относится къ эпохѣ первыхъ годовъ татарщины. Въ названіи побоища, „Камскимъ“ естественно видѣть передѣлку Калскаго побоища (1224), въ которомъ приняли участіе наряду съ другими князьями и богатырями, какъ говорятъ преданія, занесенныя въ лѣтописи, также извѣстные храбры (богатыри): Александръ (Алеша) Поповичъ, Добрыня Рязаничъ по призванію „Златой поясъ“ и другіе. „Убиша же на томъ бою и Александра Поповича и съ слугою его Торопомъ, говоритъ Царственный лѣтописецъ и Добрыню Рязанича Златого пояса, и 70 великихъ и храбрыхъ богатырей“.

Первоначально трагическій исходъ пѣсни, о чемъ мы можемъ заключить изъ прочтенія слѣдующей въ настоящей книгѣ былины и изъ историческаго событія—печальной для русскихъ Калкской битвы, замѣнился съ теченіемъ времени болѣе благопріятнымъ и болѣе удовлетворяющимъ національное самолюбіе.

Эту перемѣну могли обусловить позднѣйшія болѣе счастливыя событія (какъ напр. Мамаево побоище) изъ заключительнаго періода борьбы Руси съ татарами.

Былина „Камское побоище“ въ дошедшемъ до насъ видѣ имѣетъ много позднѣйшихъ историческихъ наслоеній: упоминаніе Литвы, имя богатыря Пересмяты, въ которомъ не безъ основанія видятъ искаженіе имени Пересвѣта, инока—воина, участника битвы съ Мамаемъ, имя Самсона Колубаева (по другимъ варіатамъ Колыванова), въ которомъ весьма вѣроятно можно видѣть отраженіе историческаго Самсона Колыванова, погибшаго во главѣ новгородцевъ во время ихъ похода въ Югру въ 1357 году несомнѣнны также вліянія со стороны другихъ былинныхъ сюжетовъ (напр. былина объ Идолищѣ Поганомъ и др).

Текстъ приведенъ по сборнику Маркова № 81.

Литература: В. Ф. Миллеръ. Къ былинѣ о Камскомъ побоищѣ. (Очеркъ русской народной словесности т. II. М. 1910) и А. В. Марковъ. Владимірская былина о походѣ новгородцевъ въ Югру въ XIV вѣкѣ. („Камское побоище“). Юбилейный сборникъ въ честь В. Ф. Миллера. М 1900 г. стр. 110—162.

Съ канихъ поръ перевелись витязи на святой Руси.

Выѣзжали на Сафатъ-рѣку,
На закатѣ краснаго солнышка,
Семь удалыхъ Русскихъ витязей,
Семь могучихъ братьевъ названныхъ:
Выѣзжалъ Годенко Блудовичъ,
Да Василій Казиміровичъ,
Да Василій Буслаевичъ,
Выѣзжалъ Иванъ Гостинный сынъ,
Выѣзжалъ Алеша Поповичъ младъ,
Выѣзжалъ Добрыня молодець,
Выѣзжалъ и матерой казакъ,
Матерой казакъ Илья Муромецъ.
Передъ ними раскинулось поле чистое,
А на томъ полѣ старый дубъ стоитъ,
Старый дубъ стоитъ, кряковястый.
У того ли дуба три дороги сходятся:
Ужъ какъ первая дорога ко Новугороду;
А вторая-то дорога къ стольному Кіеву;
А что третія дорога ко синю морю,
(Ко синю морю) далекому,—
Та дорога прямоѣзжая,
Прямоѣзжая дорога, прямопутная,
Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Становились витязи на распутіи,
Разбивали бѣль-полотнянъ шатерьъ,
Отпускали коней погулять по чисту полю;
Холятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую траву пощипываютъ,
Золотой уздечкой побрякиваютъ;
А въ шатрѣ полотняномъ витязи
Опочивъ держать.
Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Добрыня молодець раньше всѣхъ,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,

Помолился чудну образу;
Видитъ Добрыня за Сафать-рѣкой
Бѣль-полотнянъ шатерь:
Въ томъ ли шатрѣ залегъ Татарченкокъ,
Злой Татаринъ, бусурманченкокъ,
Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни ѣзжалаго добраго молодца.
Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня,
Клалъ на него онъ потнички,
А на потнички коврички,
Клалъ сѣдельце черкасское,
Бралъ копейце урзаецкое, ¹⁾
Бралъ чингалище, ²⁾ булатное,
И садился на добра коня;
Подъ Добрыней конь осержается,
Отъ сырой земли отдѣляется,
Выходы мечеть по мѣрной верстѣ,
Высоки мечеть по сѣнной копнѣ.
Подъѣзжаетъ Добрыня ко бѣлу шатру
И кричитъ зычнымъ голосомъ:
„Выходи-ка, Татарченкокъ,
„Злой Татаринъ, бусурманченкокъ!
„Станемъ мы съ тобой честный бой держать“.
Втапоры выходитъ Татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Слеталися-сходилися два удалые витязя.
Ломалися копья ихъ острыя,
Разлеталися мечи ихъ булатные;
Сходили витязи съ добрыхъ коней
И хваталися въ рукопашный бой;
Правая ножка Добрыни ускользнула,
Правая ручка Добрыни угрогнула,
И валился онъ на сыру землю:
Скакалъ ему Татаринъ на бѣлы груди,
Пороль ему бѣлы груди,
Вынималъ сердце съ печенью.
Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Алеша Поповичъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафать-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ онъ коня Добрынина:

1) Мурзалецкое—восточное. 2) Кинжалъ.

Стоить борзый конь осѣдланый и взнузданный,
Стоить борзый конь, только невесель,
Потупилъ очи во сыру землю,
Знать, тоскуеть онъ по хозяинѣ,
Что по томъ ли Добрынѣ молодцѣ.
Садился Алеша на добра коня;
Осержался подъ нимъ, добрый конь,
Отдѣлялся отъ сырой земли,
Металь выходы по мѣрной верстѣ,
Металь выскоки по сѣнной копнѣ.
Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася:
Забѣлѣлася ставка богатырская;
Что не синь во поляхъ засинѣлася:
Засинѣлись мечи булатные;
Что не крась во поляхъ покраснѣлася:
Закраснѣлася кровь съ печенью.
Подъѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру,
У того ли шатра спить Добрыня молодецъ;
Очи ясныя закатилися,
Руки сильныя опустилися,
На бѣлыхъ грудяхъ запеклася кровь.
И кричитъ Алеша звучнымъ голосомъ:
„Вылѣзай ка ты, Татаринъ злой,
„На честной бой, на побраночку!“
Отвѣчаетъ ему Татарченокъ:
— Охъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
— Ваши роды не уклончивы,
— Не уклончивы ваши роды, не устойчивы:
— Что не стать тебѣ со мной бой держать!
Возговорить на то Алеша Поповичъ младъ:
„Не хвались на пирь идучи,
„А хвались съ пиру идучи!“
Втапору выходитъ Татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Сходилися-слеталися два удалые витязъ;
Ломалися копья ихъ острыя,
Разлеталися мечи ихъ булатные;
И сходили они съ добрыхъ коней,
И хваталися въ рукопашный бой;
Одолѣлъ Алеша Татарина:
Валилъ его на сыру землю,
Скакалъ ему на бѣлы груди,
Хотѣлъ ему пороть бѣлы груди,
Вынимать сердце съ печенью.
Отколь тутъ не взялся черный воронъ,

И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голосомъ:
 „Охъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
 „Ты послушай меня, чернаго ворона:
 „Не пори ты Татарину бѣлыхъ грудей;
 „А слетаю я на сине море,
 „Принесу тебѣ мертвой и живой воды;
 „Вспрыснешь Добрыню мертвой водой,
 „Сростется его тѣло бѣлое;
 „Вспрыснешь Добрыню живой водой,
 „Тутъ и очнется добрый молодецъ“.
 Втапору Алеша ворона послушался.
 И леталъ воронъ на сине море,
 Приносилъ мертвой и живой воды;
 Вспрыскивалъ Алеша Добрыню мертвой водой,—
 Сросталось тѣло его бѣлое,
 Затягивались раны кровавыя;
 Вспрыскивалъ его живой водой,—
 Пробуждался молодецъ отъ смертнаго сна.
 Отпускали они Татарина.

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
 Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
 Выходилъ онъ на Сафатъ-рѣку,
 Умывался студеной водой,
 Утирался тонкимъ полотномъ,
 Псмолился чудну образу;
 Видитъ онъ,—черезъ Сафатъ-рѣку
 Переправляется сила басурманская:
 И той силы доброму молодцу не объѣхати,
 Сѣрому волку не обрыскати,
 Черному ворону не облетѣти.
 И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:
 „Ой ужъ гдѣ вы, могучіе витязи,
 Удалые братья названные!“
 Какъ сбѣгались на зовъ его витязи,
 Какъ садились на добрыхъ коней,
 Какъ бросались на силу басурманскую,
 Стали силу колоть-рубить.
 Не столько витязи рубятъ,
 Сколько добрые кони ихъ топчуть;
 Бились три часа и три минуточки:
 Изрубили силу поганую.
 И стали витязи похвалятися:
 „Не намахались наши могучныя плечи,
 Не уходились наши добрые кони,
 Не притупились мечи наши булатные!“
 И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
 „Подавай намъ силу нездѣшнюю

Мы и съ тою силою, витязи, справимся!“
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
— А давайте съ нами, витязи, бой держать?
— Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.—
Не узнали витязи воителей;
Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей,
И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодець,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить:
А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идеть.
Не столько витязи рубять,
Сколько добрые кони ихъ топчуть:
А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идеть.
Бились витязи три дня,
(Бились) три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные:
А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идеть.
Испугались могучіе витязи,
Побѣжали въ каменныя горы,
Въ темныя пещеры:
Какъ побѣжить витязь къ горѣ,
Такъ и окаменѣеть;
Какъ побѣжить другой,
Такъ и окаменѣеть;
Какъ побѣжить третій,
Такъ и окаменѣеть.
Съ тѣхъ то поръ и перевелись витязи на святой Руси!

Объяснение этой былины см. въ Очеркѣ стр. 24—25, а также въ примѣчаніи къ предыдущей былинѣ о „Камскомъ побоищѣ“.

Мысль, что ужасное для русскихъ Калкское побоище явилось наказаніемъ Божиимъ за хвастовство и самонадѣянность русскихъ князей, нашла себѣ выраженіе не только въ пѣсенныхъ, но и въ лѣтописныхъ сказаніяхъ объ этой битвѣ. „Не сихъ же (татаръ) ради, говоритъ лѣтопись, сія случися, но *гордости* ради и *величанія* русскихъ князь попусти Богъ сему быти. Бѣша бо князи храбры мнози, и высокоумны, и мнящеса своею храбростію сдѣловающе; имѣяхуть же и дружину многу и храбру, и того *величающеся*“. „И не свѣдаемъ, говоритъ другая лѣтопись о татарахъ, откуда были пришли, и камо ся дѣли; единъ Богъ вѣсть, откуда приведе, за *грѣхи наша*, и за *похвалу* и *гордость* великаго князя Мстислава Романовича“.

Сказаніе о гибели многихъ богатырей въ битвѣ при Калкѣ послужило поводомъ для былинъ объяснить гибель и всѣхъ другихъ богатырей. На былинный рассказъ о битвѣ богатырей съ небесной силой повліяли книжно-церковныя сказанія объ участіи небеснаго воинства въ битвахъ людей. Окаменѣніе богатырей широко распространенный эпическій мотивъ. Подъ Сафать-рѣкой одни толкователи былинъ видятъ перегласовку названія Юсафатовой долины, другіе измѣненія названія Евфратъ рѣки, упоминаемой часто въ византійскихъ сказаніяхъ.

Текстъ приведенъ по сборнику Кирѣевского в. IV, стр. 108. Записанъ этотъ текстъ писателемъ Л. Меємъ и, можно думать, нѣсколько стилистически передѣланъ.

Литература: Указанная въ примѣчаніи къ былинѣ № 4 статья ак. Н. П. Дашкевича, статья ак. В. Ө. Миллера „Къ былинѣ о Камскомъ побоищѣ“, „Къ былинѣ о царѣ Калинѣ“, „О братьяхъ Суздальцахъ“ (Очерки. т. II), и изслѣдованіе М. Е. Халалскаго Великорусскія былины кievскаго цикла. Варшава. 1885. гл. XII.

9. Наѣздъ на богатырскую заставу и бой Сокольника съ Ильей Муромцемъ.

А отъ того отъ морюшка отъ сивяго,
А отъ того отъ камешка отъ Златыря,¹⁾
А отъ той какъ отъ бабы отъ Златыгорки,²⁾
А родился тутъ Сокольникъ наѣздничекъ.
А еще отъ роду Сокольнику двѣнадцать лѣтъ.
А-и да пригрѣло-припекло тутъ красное солнышко,
А выходилъ тутъ Сокольникъ на красно крыльцо,
А посмотрѣлъ онъ во дудочку³⁾ позорную
А на то же на посолонь⁴⁾ солнца краснаго.
А во-первы онъ глядѣлъ да на сине море,
А во-вторы глядѣлъ онъ да во чисто поле;
А заздрилъ⁵⁾-засмотрѣлъ въ полѣ три шатрика
Заходилъ гдѣ-ка Сокольникъ во свѣтлу гридню
А еще падалъ своей матери во рѣзвы ноги:
„А ужъ ты ой еси, родима моя матушка!
Еще дай-ко-ся мнѣ благословеньице;
Я поѣду, молодецъ-парень, во чисто поле“.
Говорила тутъ родима да его матушка:
„Ужъ ты ой еси, мое дитя сердечное!
А годами-то вѣдь ты еще молодехонько,
А умомъ-разумомъ ты нонь глупехонько“.
А говоритъ тутъ Сокольникъ наѣздничекъ:
„А ужъ ты дай-ка мнѣ ѣхать благословеньице;
А да не дашь ты какъ нонь, да я поѣду же“.
А да дала гдѣ ему благословеньице.
Да пошелъ де-ка Сокольникъ да на конюшій дворъ,
Еще бралъ себѣ коня да лошадь добрую,
А да сѣдлалъ да, уздалъ да коня добраго,
Надѣвалъ на себя латы кольчужные,
Еще бралъ себѣ лучекъ да калену стрѣлу,
А еще бралъ себѣ сабельку тутъ вострую,
Еще бралъ себѣ палочку боевую⁶⁾

1) Въ другихъ вариантахъ Латыря, Алатыря. 2) Обычно въ другихъ вариантахъ Латыгори и. 3) Трубочку. 4) По теченію солнца, отъ востока на западъ. 5) Узрѣлъ. 6) Боевую, палицу.

А еще тсже копейце да брусоменчато, ¹⁾
А да сѣдлалъ де, уздалъ да тутъ коня добраго.
А мать-та ему да нонь наказываетъ,
Молодому-ту ему да наговариваетъ:
„А ты поѣдешь, мое дитятко, во чисто поле;
А ты наѣдешь, мое дитятко, на три шатрика:
А во первомъ шатрѣ Илеюшка старый казакъ,
А во второмъ шатрѣ Добзынюшка Никитичъ младъ,
А во третьемъ шатрѣ Алеша все Поповичъ младъ;
А у Илеюшки конь отъ да наусивъ гдѣ сивъ,
Еще самъ-отъ Илейка да наубѣль гдѣ бѣль,
Голова-та у Илеюшки сѣдымъ сѣда,
А борда-та у Илеюшки нонь бѣлымъ бѣла:
А не доѣзживай, дитятко, съ коня скачи,
(Не докахивай, дитятко, челомъ ударъ:
Еще тотъ какъ тебѣ да родный батюшко“.
А да садился Сокольникъ на добра коня,
А поѣхалъ Сокольникъ во чисто поле.
А ѣздитъ онъ въ полѣ да разѣзжается,
А своимъ вострымъ копейцемъ да потѣшается:
А кидалъ востро копье къ верху по поднебесью,
Правой ручушкой онъ бросить, да лѣвой подхватить.
Еще самъ онъ ко копейцу да приговариваетъ:
„Ужъ я сколь бы я легко тобой копьемъ владѣль,—
Еще такъ бы мнѣ владать бы да старымъ казакомъ;
А-и да Илеюшку я Муромца конемъ стопчу,
Ужъ я русскихъ-то богатырей повысмотрю,
А на востру тутъ ихъ сабельку погырублю,
А на бѣлу ихъ бумажечку повыпишу,
Ужъ я Кіевъ-отъ градъ да во полонъ возьму,
Ужъ я Божьи то церкви да на огнѣ сожгу,
А у князя у Владиміра голову срублю,
А Апраксю княгиню да за себя возьму“.
Еще было во ту пору, во то время
Выходилъ гдѣ Илеюшка изъ бѣла шатра:
А глядѣль онъ во дудочку во подзорную
А на то же на позолонъ солнца краснаго.
Во первыхъ, онъ глядѣль на крашень Кіевъ градъ,
А во-вторыхъ, онъ глядѣль да на сине море,
Во-третьихъ, онъ глядѣль самъ во чисто поле;
Онъ завидѣль гдѣ въ полѣ да непріятели,
А того же дороднаго добра молодца.
Заходилъ гдѣ Илеюшка во бѣлый шатеръ,
Закричалъ гдѣ Илейка тутъ громкимъ голосомъ:
„А ужъ вы ой еси, удалы добры молодцы,

¹⁾ Вд. бурзаменцкоє, т. е. мурзаменкоє, восточное, татарское.

Ужъ вы русскіе могучіе богатыри!

Еще полно ко вамъ спать, да вамъ пора вставать:

Я завидѣлъ гдѣ въ полѣ да непріятеля

А того же дородна да добраго молодца;

А еще надо молодца да принаѣхати,¹⁾

Принаѣхати надо да приокликати.

А еще кто изъ насъ поѣдетъ да во чисто поле?

А Алешѣ-то ѣхать, да не доѣхати,

Не доѣхати Алешѣ да не окликати;

А Добрынюшка было дитятко умное,

А еще можетъ молодца онъ да принаѣхати,

Принаѣхати его можетъ приокликати“.

Еще сталъ тутъ Добрынюшка срягаться,

Еще сталъ тутъ Никитичъ да сподоблятися:

А надѣвалъ на себя латы кольчужные;

Еще бралъ себѣ лучекъ да калену стрѣлу,

А еще ту де какъ сабельку нонь вострую,

А еще ту де какъ палочку буювую,

А еще то же копейце да брусоменчато;

А сѣдлалъ гдѣ, уздалъ да коня добраго.

А да поѣхалъ де Добрынюшка во чисто поле

А да къ тому же ко дородному доброму молодцу.

А наѣхалъ молодца тутъ на чистомъ полѣ,

А сталъ у молодца да все выпрашивать:

„Ужъ ты здравствуешь, удалый да добрый молодець!

А котораго ты горзда, коей земли?

А какого отца, какой ты матери?

Еще какъ тебя, молодець, именемъ зовутъ?

Да куда же ты ѣдешь да куда правишься?“

А спрговоритъ Сокольникъ наѣздничекъ:

„А ѣду я отъ моряшка отъ синяго,

А отъ того отъ камешка отъ Златыря,

А отъ той де отъ бабы да отъ Златыгорки;

А зовутъ меня Сокольникъ наѣздничекъ;

А Илеюшку я Муромца конемъ стопчу,

А ужъ я русскихъ-то богатырей повысмотрю,

А на востру ихъ сабельку повырублю,

А на бѣлу ихъ бумаженьку повыпишу;

Ужъ я Кіевъ-отъ градъ да во полонъ возьму,

Ужъ я Божьи-то церкви всѣ на огнѣ сожгу,

А у князя у Владиміра голову срублю,

А Апраксью княгиню да за себя возьму“.

А еще тутъ же Добрыня да свѣтъ Никитичъ младъ

А поѣхалъ де Добрыня да ко бѣлымъ шатрамъ.

А встрѣчаетъ его Илья да нонь старый казакъ.

1) Догнать.

А говорить де Добрыня да таковы слова:
 „А ѣдетъ, ребята, да не моя чета,
 Не моя чета ѣдетъ и не мнѣ родня:
 А онъ ѣдетъ отъ морюшка отъ синяго,
 А отъ того отъ камешка отъ Златыря,
 А отъ той де отъ бабы да отъ Златыгорки;
 А зовутъ его Соколыничкомъ наѣздничкомъ“.
 А говорятъ де старый казакъ Илья Муромецъ:
 „А еще преже Рязань да слободой слыла,
 А еще ноньче Рязань да слыветъ городомъ;¹⁾
 А еще нѣкимъ мнѣ-ка старику замѣнитися,
 А нѣкимъ мнѣ-ка старику распорядитися“.
 А сталь тутъ Илеюшка сряжатися,
 А еще сталь де старый казакъ сподоблятися:
 А надѣваль на себя латы кольчужныя;
 Еще бралъ себѣ лучекъ тутъ да калену стрѣлу,
 Еще ту гдѣ сабельку нонь вострую,
 Еще ту гдѣ-ка палочку буевую,
 Еще то же копейце да брусоменчато.
 А поскорѣ онъ садился да на добра коня;
 А поѣхаль Илейка да во чисто поле
 А къ тому де дородному доброму молодцу.
 Еще самъ говорить тутъ да таковы слова:
 „А не застрѣлилъ ты гуся, нонь теребишь тутъ;
 А не спробоваль молодца, да ноньче хвастаешь“.
 А не золото съ золотомъ сливалось,
 А не серебро съ серебромъ стекалося,
 А не двѣ де горы вмѣстяхъ²⁾ сокаталося,—
 А не два молодца вмѣстяхъ соѣзжалося.
 А да разѣхались на сабельки на вострыя,—
 А сабельки у нихъ тутъ пощербались.³⁾
 А разѣхались на палочки на буевыя,—
 А тутъ они другъ друга не ранили,
 А палочки у нихъ въ рукахъ развихались.⁴⁾
 А разѣхались на копейца тутъ на вострыя,—
 А копейца-ти у нихъ въ рукахъ поломались.
 А стрѣляли тутъ они да ноньче другъ друга,—
 Они сами себя да тутъ не ранили.
 А соскочили они да со добрыхъ коней,
 А да схватились они да тутъ въ охабочку.⁵⁾
 А водились они съ утра день до вечера,
 А со вечера они да до полуночи,
 А съ полу гдѣ ночи да до бѣла гдѣ свѣту;
 А забродили⁶⁾ они да въ полъ колѣнъ грязя.

¹⁾ Намекъ на Добрыню, рязанца. ²⁾ Вмѣстѣ. ³⁾ Заузбрились. ⁴⁾ Рас-
 трескались. ⁵⁾ Въ обнявку, стали бороться. ⁶⁾ Погрязли.

А по Илеюшкину было нонь да по несчастьицу,
А по Сокольникову было да ноньче счастьяцу,
Еще права-та ручушка промахнулась,
Еще лѣва-та ножечка извернулась;
А бросаль де-ка Сокольникъ на мать сыру землю,
А скакаль де Илейкѣ да на бѣлы груди,
А растегиваль латы да все кольчужныя,
А хочеть пороть да все бѣлы груди,
А хочеть вымать¹⁾ да ретиво сердце.
Говориль тутъ Илеюшка старый казакъ:
„А не ладно у святыхъ отцевъ написано,
А не ладно у святыхъ отцевъ удумано,
Что Илеюшкѣ быть тутъ да не убитому“.
А говорилъ гдѣ Сокольничекъ наѣздничекъ:
„Ужъ ты старый, ты старый да старый глупый нонь!
А еще некѣмъ тѣ-ка старому замѣнитися,
Еще некѣмъ тѣ ка старому распорядитися;
А поставиль бы, старый, ноньче ты келейку
Въ край гдѣ-ка, старыи, да край дорожечки,
Еще стали бы ты стараго поить-кормить“.
А говорилъ гдѣ старый казакъ Илья Муромецъ:
„А не выдай меня, Господи, на поруганье,
А нечистому татарину на потерзанье;
А не стояль ли я за церкви да я за Божьи нонь,
А за тѣ за почестные монастыри,
А за тѣхъ я за вдовъ за благовѣрныхъ?“
А у Илеюшки силы вдвое прибыло,
У Сокольника силы вдвое убыло:
А сшибаль гдѣ Сокольника со бѣлыхъ грудей,
А скакаль гдѣ ему да на бѣлы груди,
А разстегиваль латы да все кольчужныя,
А вымалъ де изъ-за налучья свой булатный ножъ,
Еще хочеть пороть да все бѣлы груди,
Еще хочеть вымать да ретиво сердце.
• А увидаль де Илейка свой старинный крестъ,—
А бралъ молодца да за бѣлы руки,
Подымаль молодца да на рѣзвы ноги,
Еще сталъ у молодца да все выпрашивать:
„А котораго ты города, коей земли?
А какого отца, какой ты матери?
А какъ тебя, молодецъ, именемъ зовуть?“
А говорилъ тутъ Сокольничекъ наѣздничекъ:
„Кабы былъ, кабы жилъ я на твоихъ грудяхъ,—
А не спросиль бы я ни имени, ни вотчины,
Ни отечества, ни молодчества“.

1) Вынимать.

А еще тутъ де Ипейки за бѣду пришло,
За велику досаду показалося.
О вынулъ Илейка саблю вострую,
А трубилъ у Сокольника буйну голову.
А поѣхалъ Илеюшка ко бѣлымъ шатрамъ,
А воткнулъ гдѣ главу да на востро колье,
А самъ онъ Илейка да похваляется:
„А на вѣку такого чуда я не видывалъ,
На вѣку такого чуда да я не слыхивалъ“.
Еще тутъ же Ссокольничку славы поюгъ.

Сюжетъ о боѣ отца съ сыномъ принадлежитъ къ числу широко распространенныхъ; извѣстны поэтическія сказанія на эту тему—иранскія о Рустемѣ и его сынѣ Сохрабѣ (Зорабѣ), кавказскія о Ростомѣ и Зурабѣ, киргизскія о богатырѣ Гали и его сынѣ Сайдилдѣ, эстонскія о Кивви-алѣ и его сынѣ, нѣмецкія о Гильдебрандѣ и его сынѣ Алебрандѣ, кельтскія о Клизаморѣ и Картонѣ и другія. Русскія версіи сказанія въ общемъ болѣе близкія къ восточнымъ (съ трагическимъ исходомъ битвы для сына) вмѣстѣ съ тѣмъ въ подробностяхъ обнаруживаютъ значительное сходство съ западно-европейскими, гдѣ, сравнительно съ восточными, исходъ столкновенія отца съ сыномъ представленъ въ болѣе смягченномъ видѣ. Все это указываетъ на большую научную цѣнность русскихъ былинныхъ сказаній о боѣ Ильи съ сыномъ для изученія исторіи странствующаго сюжета. Несмотря, однако, на „бродячестъ“ разсматриваемаго былиннаго сюжета, въ содержаніи и подробностяхъ былины можно выдѣлить нѣкоторыя русскія бытовые и историческія черты. Прозваніе матери Сокольника—Латыгорка (или Златыгорка) давало возможность изслѣдователямъ видѣть въ немъ отраженіе древнерусскаго названія латышскаго племени—Латыголы, Латыгора (первоначально Лѣтьгола). Это названіе, а также рядъ другихъ соображеній даютъ нѣкоторую возможность отнести положеніе былины къ Полоцкой области, гдѣ латышское племя было хорошо извѣстно. Полоцкая область, какъ и вообще область З. Двины, была удобнымъ посредникомъ не только въ товарообмѣнѣ между Востокомъ и Западомъ, но и въ обмѣнѣ продуктами поэтическаго творчества. Это подтвер-

ждается изученіемъ другихъ, помимо разобранныго, русскихъ и нѣмецкихъ поэтическихъ сказаній.

Текстъ былины приведенъ по сборнику Григорьева № 364.

Литература. В с. Ѡ. М и л л е р ъ. Эскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. 1892. гл. V. Ег о ж е Очерки русс. народной словесности т. II. 1910 г. гл. 6. А. В. М а р к о в ъ. Къ былинѣ о бсѣ Ильи Мур мца съ сыномъ: (Этнографическое Обзорѣніе кн. XLVI, 1900 г.) А. Н. В е с е л о в с к і й. Южно-русскія былины. 1884 г. гл. IX. В. И. Я р х о. Илья-Иліасъ. Хильгебрантъ. (Извѣстія Отдѣленія русс. яз. и слов. Академіи Наукъ 1917 г.).

10. Илья Муромецъ и Соловей Разбойнинъ.

Того ли города онъ Мурома,
Изъ того ли нунь села да Карачарова,
А Илья да сынъ Ивановичъ
Просить у родителя прощеньица,
Онъ прощенья просить съ благословеніемъ
Ѣхать къ городу Чернигову,
Отъ Чернигова-то Ѣхать нунь ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Даль отецъ прощенье съ благословеньицемъ
Ѣхать къ городу Чернигову.
Онъ садился тутъ Илья да на добра коня,
Бралъ же въ руки онъ да тугой лукъ,
А поѣхалъ онъ прямой дорожкой неокольною
А отъ города отъ Мурома
А до города Чернигова.
Перевель¹⁾ станы больши разбойничьи,
Онъ очистилъ тутъ дороженьки.
Подѣзжаетъ тутъ онъ подъ Черниговъ градъ,
Гдѣ стоитъ тутъ войско бусурманское
А и подъ горсдомъ Черниговомъ,—
Тутъ не сдѣлано ни выпуску ни выѣзду
Что ли князю да черниговску.²⁾
Молодой Илья да сынъ Ивановичъ
Онъ прибилъ же тое войско все бусарское,³⁾
Всѣхъ татаръ да всѣхъ поганыихъ,
Онъ очистилъ тутъ Черниговъ градъ,
Збавиль⁴⁾ князя да черниговска
Отъ татаръ было поганыихъ.
Пріѣзжаетъ тутъ ко князю ко черниговску.
Князь черниговскій зрадуется,⁵⁾
„Ты откуда, добрый молодець,
Ты коей земли, коей орды,
Какъ ты нарекактъ по отечеству?“

1) Уничтожилъ. 2) Черниговскому. 3) Въмѣсто бусурманское. 4) Избавиль.
5) Обрадовался.

— Я есть города отъ Мурома
— Да села есть Карачарова,
— Да Илья же сынъ Ивановичь.—
Принялъ его князь черниговскій
Во великое себѣ-ка во гостебище,¹⁾
Онъ дарилъ ему да честные подарочки,
Подарилъ тутъ ему орудіе да богатырское,
Подарилъ копье да ему вострое,
Да пожертвовалъ онъ саблю ему вострую.
Тутъ поѣхалъ да Илья же сынъ Ивановичь
Отъ Чернигова на Кіевъ градъ
А прямой дорожкой не окольною,
А гдѣ Соловей да сынъ Рахматовичъ
А сидитъ онъ на двѣнадцати дубахъ да сорочинскіихъ,
Не пропуститъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Бьетъ онъ свистомъ соловьинымъ,
Покрыкомъ своимъ звѣринымъ.
Тутъ есть станы станы да разбойничьи,
Да артели тутъ великія
На прямой дорожкѣ не окольные.
Тутъ поѣхалъ же Илья да сынъ Ивановичь
Отъ Чернигова до Кіева,
Перевелъ же станы всѣ разбойничьи,
Онъ убилъ артели всѣ разбойниковъ.
Подъѣзжаетъ подъ гнѣздо да Соловьиное
Того Соловья Рахматова.
Засвисталъ же Соловей Рахматовичъ,
Засвисталъ по-соловьиному,
Закричалъ онъ по-звѣриному;
У Ильи сына Иванова
Добрый конь его да подтыкается,
Спадаетъ со рѣзвыхъ ногъ,
Падаетъ онъ же на колѣночка.
Говоритъ Илья Ивановичь:
— Ахъ ты, волчья сять,²⁾ медвѣжья выть!³⁾
— Что же ты да ноньче подтыкаешься!
— Что ль ты не бывалъ да во темномъ лѣсу,
— Не слыхалъ ты соловьиного да посвисту,
— Не слыхалъ ли ты звѣринаго да покрику?
— Ты вставай-ко на рѣзвы ноги,
— Ты вези-ко подъ гнѣздо да Соловьиное
— Подъ того же было Соловья Рахматова!—
Подъѣзжаетъ тутъ Илья да сынъ Ивановичь
Подъ того же Соловья Рахматова
Подъ гнѣздо да Соловьиное.

1) Въ гости. 2) Ъда. 3) Обѣдъ, ѣда.

Какъ подѣхалъ Илья да сынъ Ивановичъ
Подъ гнѣздо да Соловьиное.
Онъ натягивалъ свой тугой лукъ,
Онъ натягивалъ тетивочки шелковыя,
А накладывалъ тутъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ стрѣлочку во Соловья
Во того да во Рахматова
Во того да во разбойника;
Попадала тая стрѣлочка
А во Соловья Рахматова
И свалила тая стрѣлочка
Оттуль Соловья Рахматова
А Рахматова разбойничка, ---
Повалился будто сѣнная-та кучище.
А до смерти не убило ли,
Только Соловья разило ли.
А Илья да сынъ Ивановичъ
Бралъ же Соловья Рахматова,
Бралъ Илья да за желты кудри,
Вязалъ Соловья Рахматова
Онъ ко лѣвою ко стремени.
Тутъ садился на добра коня,
Повезъ Соловья Рахматова
А и ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Влалимиру,
Черезъ тотъ же было домъ да Соловьиныи,
Гдѣ живеть же тамъ жена е Соловьиная
Со своима тамъ же дѣтками.
А глядятъ же его дѣтушки
Того Соловья Рахматова
Во косевчато¹⁾ окошечко,
Говорять же тыи дѣтушки:
— „Ахъ ты, матушка, ты матушка!
Батюшка-тотъ ѣдетъ мужика везеть“.
Была дочь да одноглазая,
А глядитъ она въ окошечко,
А сама она да испроговорить:
— Ахъ вы, глупыя вы дѣтушки,
Неразумны наши дѣтушки!
А не батюшка-тотъ ѣдетъ мужика везеть,
А мужикъ-тотъ ѣдетъ везеть батюшка.
Говорить же Соловьиная молода жена:
— „Вы бѣжите-тко на широкъ дворъ,
Тамъ здымайте²⁾ подворотенку
Подворотенку да вы серебряну,

¹⁾ Косящатаго, сдѣланнаго възъ дощатыхъ косякобъ. ²⁾ Поднимайте.

А убейте мужика да на проѣздѣ тутъ
Во своихъ было воротахъ ли“.
Увидаль же тутъ да Солозей Рахматовичъ
Подворотенку здымаючи:

— Ахъ вы, глупыя вы дѣтушки,
Неразумныя вы дѣтушки!
Вы зачѣмъ же нунь здымаете
Подворотенку серебряну?
Что ли убьете вы подворотенкой,
Какъ не могъ-то я убить да еще раньше васъ?
Вы зовите-тко въ гостебище,
Вы дарите-тко подарочки,
Чтобы онъ оставилъ вамъ же батюшка,---
Звали во великое гостебище
Да Илью сына Иванова,
Выносили ему честныя подарочки.
Не бралъ честныхъ подарочковъ,
Не оставилъ имъ же Соловья Рахматова,
Везъ ко городу ко Киеву

А ко ласковому князю ко Владимиру.
Приѣзжаетъ онъ ко городу ко Киеву
А ко ласковому князю ко Владимиру,
Тутъ же онъ приѣхалъ да на широкъ дворъ
Къ тѣмъ же ко палатамъ бѣлокаменнымъ,
Вяжетъ онъ коня да у столба да у точенаго,
У того кольца да золоченаго,
Зашель же во палаты бѣлокаменны,
Крестъ кладеть да по-писаному,
А поклонъ ведеть да по-ученому,
Бьетъ челомъ да поклоняется
А на всѣхъ же на четыре на сторонушки,
Князю со княгинюшкой въ особину:
— „Здравствуй, солнышко Владимиръ стольно-киевскій
Со своей было княгинею!“
Спрашиваетъ Владимиръ стольно-киевскій:
— Ты откуда, удалый добрый молодець,
А коей земли, коей орды,
Какъ ты именемъ зовутъ,
Какъ ты нарекаютъ по отечеству?—
— „Я естъ города отъ Мурома
А села да Карачарова,
А Илья да сынъ Ивановичъ“. —
— А отъ города отъ Мурома
Отъ села да Карачарова
Вы куда-ка нуньчу¹⁾ ѣхали?—

1) Теперь, нынче.

Отвѣчаетъ тутъ Илья да сынъ Ивановичъ:

— „Мы ѣхали да на Черниговъ градъ,

Отъ Чернигова на Кіевъ градъ

А прямой дорожкой неколькою“.—

Говоритъ ему Владиміръ стольно-кіевскій:

— Ай же ты, Илья да сынъ Ивановичъ:

Тутъ великія артели да разбойниковъ

На прямой дорожкѣ неколькою.—

— „Всѣ разбойнички убитые,

Всѣ дороженьки очищены“.—

Спрашиваетъ Владиміръ стольно-кіевскій:

— Подъ Черниговомъ да стоитъ войско бусурманское,

Все поганые татарова,

А стоитъ татаръ да много тысячей,

Запертъ да Черниговъ градъ,

Нѣтъ ни выхода ни выѣзду.—

Говоритъ же тутъ Илья да сынъ Ивановичъ:

— „А убито тое войско бусурманское,

Да очищенъ тутъ Черниговъ градъ,—

Что ль избавленъ еще князь черниговскій

А отъ тѣхъ поганыхъ татаровой“.—

— Отъ Чернигова куды же вы тутъ ѣхали?—

— „Ѣхали да отъ Чернигова

Отъ Чернигова на Кіевъ-градъ

А и прямой дорожкой неколькою,

Гдѣ живеть тутъ Соловей Рахматовичъ“.—

Говоритъ ему Владиміръ стольно-кіевскій:

— Какъ же вы оттуда-ка проѣхали?

Тутъ великія артели есть разбойниковъ.—

— „А разбойнички убитые,

Что ли станочки посожжены“.—

— Тутъ же Соловей Рахматовичъ

Онъ сидитъ на двѣнадцати дубахъ да сорочинскіихъ,

Не стрѣльбой-пальбой онъ бьетъ да человѣческой,

Бьетъ же посвистомъ да соловьинымъ,

Бьетъ же покрыкомъ звѣриннымъ.—

— „Соловей Рахматовичъ,

На твоємъ да широкомъ дворѣ

У моей было у лѣвой у стремены,

Онъ привезенъ нунъ во Кіевъ-градъ“.—

Князь да со княгиню

А скорешенько бѣжали да на широкъ дворъ

Посмотрѣтъ да было Соловья Рахматова.

Выбѣгали тутъ на широкъ дворъ

Къ тому Соловью Рахматову

А и къ Рахматову разбойнику:

— Ахъ ты, Соловей Рахматовичъ,

Засвищи по-соловьиному,
Закрычи-тко по-звѣриному!—
Отвѣчаетъ имъ же Соловей:
— „Не у васъ я хлѣба кушаю,
А не васъ я хочу слушати“.—
А и выходитъ тутъ Илья да сынъ Ивановичъ;
Испрогѣворить Владиміръ стельно кіевскій:
— Ай же ты, Илья да сынъ Ивановичъ!
Заставъ Соловья да засвистать,
Засвистать по-соловьиному,
Закрычатъ да по-звѣриному.—
Говорилъ Илья Ивановичъ:
— „Ахъ ты, Соловей Рахматовичъ,
Засвищи-ко ты полу-свистомъ,
Закрычи-ко нунь полу-крикомъ!“—
Соловей Рахматовичъ
А Рахматовичъ разбойничекъ,
Засвисталь-то онъ во весь же свистъ,
Закричалъ-то онъ во весь тутъ крикъ.
Князь да со княгинею
Пали они омерли.
Какъ Илья же сынъ Ивановичъ
• Какъ подскочить онъ ко Соловью,
Къ Соловью Рахматову
А къ Рахматову разбойнику,
Какъ отдернетъ да отъ стремени,
Какъ ударить о кирпичень мостъ,¹⁾—
Повернулись тутъ глаза-ты вонъ косицами,²⁾
На четыре части голова тутъ лопнула;
А растрясъ князя съ княгинею
Что ли солнышка Владиміра
А и князя стельно-кіевска.
Испрогѣворить Владиміръ стельно-кіевскій:
— Благодарствуешь, Илья да сынъ Ивановичъ;
Збавилъ насъ отъ смерти отъ напрасня!
Нареку тебѣ я имя да по-новому:
Будь-ко ты казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
А живи-тко ты у насъ во Кіевѣ,
А отнынѣ ты живи вѣкъ по вѣку!—

Несомнѣнно, основа былины объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ должна быть отнесена къ далекой отъ

1) Поль. 2) Черезъ виски.

нась эпохъ, еще ко времени расцвѣта Чернигова и Кіева. Несмотря на неразгаданность до сихъ поръ личности Ильи Муромца, кое-какія соображенія относительно историческихъ и бытовыхъ отраженій въ былинахъ о немъ могутъ считаться болѣе или менѣе признанными. Прозваніе Ильи Муромцемъ, вѣроятно, позднее. Судя по свидѣтельствамъ XVI в. Илья прозывался раньше иначе: Муравлениномъ или Моровлиномъ; кромѣ того, старыя записи былинъ передають прозваніе Ильи въ видѣ „Муровичъ“, а его родной городъ называютъ Моромомъ. Все это навело изслѣдователей на мысль, что Илья первоначально считался уроженцемъ не Мурома, извѣстнаго города Ростово-Суздальской области, а древняго города Моровійска близъ Чернигова. Село Карачарово также замѣнило первоначально, какъ можно думать, упоминавшійся въ былинѣ городъ Карачевъ, находившійся опять-таки недалеко отъ Черниговской области. Близъ Карачева протекаетъ упоминаемая во многихъ вариантахъ былинъ о Соловьѣ-Разбойникѣ — рѣка Смородина, на берегу которой находится село Десятидубово и урочище „Соловьевъ перевозъ“. Къ Карачеву примыкали знаменитые, также извѣстные по былинамъ о Соловьѣ-Разбойникѣ Брынскіе или Брянскіе лѣса. Если предположеніе о городѣ Моровійскѣ вѣрно, то станетъ вполне понятнымъ, почему былинному Ильѣ, чтобы попасть изъ своего города въ Кіевъ пришлось проѣзжать мимо Чернигова. Позднѣе, когда былины перешли на Сѣверъ и память о городѣ Моровійскѣ совершенно забылась, вполне естественно Моровійскъ могъ замѣниться созвучнымъ и для сѣверныхъ жителей болѣе извѣстнымъ городомъ Муромомъ, а городъ Карачевъ селомъ Карачаровомъ. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ былины о Соловьѣ Разбойникѣ Илья освобождаетъ не Черниговъ, а городъ Себежъ. Это подробность вошла въ былины въ XVI вѣкѣ, когда съ этимъ городомъ (въ современной Витебской губерніи) были связаны нѣкоторыя событія нашей военной исторіи.

Личность Соловья Разбойника до сихъ поръ достаточно не выяснена. Извѣстно, что Соловей былъ нерѣдкимъ прозвищемъ въ древней Руси. Извѣстны также историческія свидѣтельства о разбойникахъ еще Владимірова времени, отличавшихся своей силой и удалствомъ, и вполне естественно порождавшихъ ле-

генды о себѣ. Таково, на примѣръ, лѣтописное (Степенной книги) упоминаніе о разбойникѣ Могутѣ, хитростью схваченномъ и приведенномъ къ князю Владиміру. Подобно Соловью ставъ передъ княземъ Владиміромъ, Могутъ „вскрича зѣло“ и просилъ пощады. Владиміръ простилъ Могута и отправилъ его подъ начальъ къ митрополиту. Любопытно, что по нѣкоторымъ пересказамъ былины и Соловью Разбойнику дается Ильей Муромцемъ такой же совѣтъ постричься.

Прозванія Соловья Рахматовымъ объясняется изъ сліянія эпитета Соловья — воръ и изъ отчества Ахматовичъ, въ которомъ можно видѣть отраженіе имени татарскаго хана Ахмата, извѣстнаго своимъ походомъ на Москву въ 1480 г. Такимъ образомъ въ этомъ отчествѣ Соловья Разбойника мы видимъ еще одинъ примѣръ столь частыхъ позднѣйшихъ историческихъ наслоеній на былинѣ.

Текстъ приведенъ по сборнику Гильфердинга № 3.

Литература В. Ө. Миллеръ. Къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ. (Извѣстія Отдѣленія русс. яз. и словесности Академіи Наукъ 1912, кн. 4).

II. Михайло Потынъ.

А и старый казакъ онъ Илья Муромецъ,
А говоритъ Ильюша таково слово:
— „Да ай же, мои братьица крестовые,
— „Крестовые-то братьица названые,
— „А молодой Михайла Потыкъ, сынъ Ивановичъ,
— „Молодой Добрынюшка Микитиничъ!
— „А ѣдь-ка ты, Добрыня, за сине море,
— „Кори-тка ты языки тамъ невѣрныя,
— „Прибавляй земельки Святорусскія.
— „А ты-то ѣдь еще, Михайлушка,
— „Ко тыи ко корбы ¹⁾ ко темныи,
— „Ко тыи ко грязи ко черныи,
— „Кори ты тамъ языки все невѣрныя,
— „Прибавляй земельки Святорусскія.
— „А я-то вѣдь, старикъ, да постарше вась,
— „Поѣду я во далече еще во чисто поле,
— „Корить-то я языки тамъ невѣрныя,
— „Стану прибавлять земельки Святорусскія“.
Какъ тутъ-то молодцы да поразѣхались.
Добрынюшка уѣхалъ за сине море,
Михайла онъ уѣхалъ ко корбы ко темныи,
А ко тыи ко грязи ко черныи,
Къ царю онъ къ Вахрамѣю къ Вахрамѣву.
Ильюшенка уѣхалъ во чисто поле,
Корить-то тамъ языки все невѣрныя,
А прибавлять земельки Святорусскія.
Приѣхалъ тутъ Михайло, сынъ Ивановъ онъ
А на тое на далече на чисто поле,
Раздернулъ тутъ Михайлушка свой бѣлъ шатерь,
А бѣлъ шатерь еще бѣлополотняный.
Тутъ-то онъ, Михайлушка, раздумался:
— Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
— Ъхать молодцу мнѣ-ка томному ²⁾,
— А томному молодцу, мнѣ голодному;

1) Трущоба. 2) Усталому.

— А лучше, молодець, я поёмъ, попою.—
Какъ тутъ-то вѣдь Михайла сынъ Ивановичъ
Поѣлъ, попилъ Михайлушка, покушалъ онъ,
Самъ онъ, молодець, тутъ да спать-то легъ.

Какъ у того царя Вахрамѣя Вахрамѣева
А была жила тамъ да любезна дочь,
А тая эта Марья лебедь бѣлая.
Взимала она трубоньку подзорную,
Выходитъ что на выходы высокіе,
А смотреть какъ во трубоньку подзорную,
Во далече она во чисто поле;

Углядѣла, усмотрѣла во чистомъ полѣ,
Стоить-то тамъ шатерь бѣлополотняный,
Стоить тамъ шатерь еще смахнется,
Стоить шатерь тамъ еще размахнется,
Стоить шатерь еще вѣдь ужъ сойдется,
Стоить шатерь тамъ еще разойдется.

Какъ смотреть эта Марья, лебедь бѣлая,
А смотреть что она, еще думу думаетъ:
— „А это есте здѣ да русскій богатырь же“.

Какъ бросила тутъ трубоньку подзорную,
Приходитъ тутъ ко родному ко батюшку:

— „Да ай же ты да, мой родной батюшко,

— „А царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ.

— „А даль ты мнѣ прощенья благословленьица

— „Летать-то мнѣ по тихимъ заводямъ,

— „А по тымъ по зеленымъ по затресьямъ ¹⁾,

— „А по былой лебедью три году.

— „А тамъ я налеталась, нагулялася,

— „Еще вѣдь я наволевалася

— „По тымъ по тихимъ по заводямъ,

— „А по тымъ по зеленымъ по затресьямъ.

— „А нуньчу вѣдь ты да позволь-ко мнѣ

— „А друго ты еще мнѣ-ка три году

— „Ходить гулять-то во далечемъ мнѣ во чистомъ полѣ,

— „А красной мнѣ гулять еще дѣвушкой“.

Какъ онъ опять на то ей ствѣтъ держить:

— Да ахъ же ты да, Марья, лебедь бѣлая,

— Ай же ты да, дочка-та царская, мудреная!

— Когда плавала по тихимъ по заводямъ,

— По тымъ по зеленымъ по затресьямъ,

— А бѣлой ты лебедушкой три году,

— Ходи же ты, гуляй красной дѣвушкой

— А друго-то еще три да три году,

— А тожно ²⁾ тутъ я тебя замужъ отдамъ.

1) Вода, покрытая тростникомъ. 2) Тогда.

Какъ тутъ она еще поворотилася,
 Батюшку она да поклонилася.
 Какъ батюшко да даетъ ей нянекъ мамокъ-тыхъ,
 Ахъ тыхъ ли этихъ вѣрныхъ служаночекъ.
 Какъ тутъ она пошла красна дѣвушка,
 Во далече она во чисто поле
 Скорымъ-скоро, скоро да скорешенько,
 Не могутъ за ней тамъ гнаться няньки-ты,
 Не могутъ за ней гнаться служаночки.
 Какъ смотреть тутъ она, красна дѣвушка,
 А няньки эти всѣ да остаются,
 Какъ говорить она тутъ таково слово:
 — „Да ай же вы мои ли вы, нянюшки!
 — „А назадъ теперь воротитесь-ко,
 — „Не нагоняться вамъ со мной, красной дѣвушкой“.
 Какъ нянюшки вѣдь ей поклонилися,
 Назадъ онѣ обратно воротилися.
 Какъ этая тутъ Марья, лебедь бѣлая,
 Выходить тутъ она ко бѣлу шатру,
 Какъ у того шатра бѣлополотняна
 Стоить-то тутъ, увидалъ ю добрый конь,
 Какъ началъ ржать да еще копьемъ-то мять
 Во матушку-ту во сыру землю,
 А стала мать земелюшка подрагивать.
 Какъ ото сну богатырь пробуждается,
 На улицу онъ самъ пометается,
 Выскакаль онъ въ тонкіихъ бѣлыхъ чулочикахъ безъ
 чоботовъ,
 Въ тонкія бѣлыя рубашки безъ пояса.
 Смотритъ тутъ Михайло на всѣ стороны,
 А никого онъ не наглядѣль тутъ былъ.
 Какъ говорить коню таково слово:
 — Да ай ты, волчья сыть ¹⁾, травяной мѣшокъ!
 — А что же ржешь ты да копытомъ-то мнешь
 — А во тую во матушку сыру зеллю,
 — Тревожишь ты русійскаго богатыря?—
 Какъ взглянетъ на другую шатра еще другу сторону,
 Ажно тамъ-то вѣдь стоитъ красна дѣвушка.
 Какъ тутъ-то онъ, Михайлушка, подскакивалъ,
 А хочетъ цѣловать миловать-то ю,
 Какъ тутъ она ему воспроговорить:
 — „Ай же ты удалый добрый молодець!
 — „Не знаю я тебѣ да ни имени,
 — „Не знаю я тебѣ ни изотчины.
 — „А царь ли ты есте, ли царевичъ былъ,

1) Ёда.

— „Король ли ты да королевичъ есть?
— „Столько знаю да ты русскій-то богатырь здѣсь.
— „А не цѣлуй меня красной дѣвушки,
— „А у меня уста были поганя,
— „А есть-то вѣдь ужъ вѣры я не вашя,
— „Не вашей-то вѣдь вѣры есть, поганая ¹⁾.
— „А лучше-то возьми ты меня къ себѣ еще,
— „Ты возьми, сади на добра коня,
— „А ты вези меня да во Кіевъ градъ,
— „А проводи во вѣру во крещеную,
— „А тожно ты возьми-тко меня за себя замужъ“.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайла сынъ Ивановъ былъ
Садил онъ-то къ себѣ на добра коня,
Повезъ-то вѣдь ужъ ю тутъ во Кіевъ градъ;
А привозилъ Михайлушка во Кіевъ градъ,
А проводилъ во вѣру во крещеную,
А приняли они тутъ златы вѣнцы,
Какъ клали они заповѣдь великую:
Который-то у нихъ да напередъ умереть,
Тому итти во матушку сыру землю на три году
Со тымъ со тѣломъ со мертвымъ.
Ино оны вѣдь стали жить-то быть,
Жить-то быть да семью сводить,
Какъ стали-то они дѣтей наживать.
Да тутъ затѣмъ князь тотъ стольно-кіевскій
Какъ сдѣлалъ онъ задернулъ свой почестный пиръ
Для князей бояръ да для кіевскихъ
А для русійскихъ всѣхъ могучихъ богатырей;
Какъ всѣ-то они на пиръ собираются,
А всѣ тутъ на пиру наѣдаются,
А всѣ тутъ на пиру напиваются,
Стали всѣ они тамъ пьянешенки,
А стали всѣ они веселешенки.
Стало красно солнышко при вечерѣ,
Да почестный пиръ, братцы, при веселѣ.
Какъ тутъ-то вѣдь не ясные соколы
Во чистомъ полѣ еще разлеталися,
Тамъ русійскіе могучіе богатыри
Въ одно мѣсто сѣзжались.
А на тотъ-то на тотъ на почестный пиръ.
Ильюшенка пріѣхалъ изъ чиста поля,
Хвастаетъ Ильюшенка спрөговорить;
— А былъ-то я еще во чистомъ полѣ,
— Кориль-то я языки все невѣрные,
— А прибавлялъ земельки Святорусскія. —

1) Т.-е. язычница.

Какъ хвастаетъ-то тутъ Добрынюшка:
— „А былъ-то я за славнымъ за синимъ моремъ,
— „Корилъ тамъ я языки все невѣрные,
— „А прибавлялъ земельки Святорусскія“.
Какъ ино что Михайлушкѣ да чѣмъ буде повыхвастать,
Сидитъ-то тутъ Михайло думу думаетъ:
— Какъ я, у меня нунчу у молодца
— Получена стольки ¹⁾ есть молода жена.
— Безумный-отъ какъ хвастаетъ молодой женой,
— А умный-отъ какъ хвастаетъ старой матушкой.—
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка поведумалъ:
— Какъ былъ-то я у корбы у темныя
— А у тьи у грязи я у черныя,
— А у того царя я Вахрамѣя Вахрамѣева,
— Корилъ-то я языкушки невѣрные,
— Прибавлялъ земельки Святорусскія.
— Еще-то я съ царемъ тамъ во другіихъ
— Игралъ-то я во доски тамъ во шахматны
— А въ дороги тавлеи ²⁾ золоченныя;
— Какъ я съ его еще тамъ повиыгралъ
— Безсчетной-то еще-то золотой казны
— А сорокъ-то телѣгъ я ордынскіихъ.
— Повезъ-то я казну да во Кіевъ градъ,
— Какъ отвозилъ я ю на чисто поле,
— Какъ оси-ты телѣжныя желѣзныя подломилися,
— Копалъ-то тутъ я погребы глубокіе,
— Спустилъ казну во погребы глубокіе.—
На ту пору еще, на то времячко
Изъ Кіева тутъ дань поспросилася
Къ царю тутъ къ Вахрамѣю къ Вахрамѣеву,
За двѣнадцать лѣтъ за прошлые годы что за нынѣшній.
Какъ князи тутъ-то кіевски, вси бояра
А тотъ ли этотъ князь стольно-кіевскій
Какъ говорить, промолвить таково слово:
— „Да ай же вы, бояра вы мои всѣ кіевски,
— „Русійски все могучіе богатыри!
— „Когда нунъ у Михайлушка казна еще
— „Повыиграна съ царя съ Вахрамѣя Вахрамѣева,
— „Дакъ нунечку еще да топеречку
— „Изъ Кіева нунъ дань поспросилася
— „Царю тутъ Вахрамѣю Вахрамѣеву.
— „Пошлемъ-то мы его да туды-ка-ва
— „Отдать назадъ безсчетна золота казна,
„А за двѣнадцать лѣтъ за прошлые годы что за нынѣшній“.
Накинули тутъ службу великую

1) Только. 2) Шашки, кости.

А на того Михайлу на Потыка
Всѣ князи тутъ бояра кievски,
Всѣ русійскіе могучіе богатыри.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайла отрягается,
Какъ тутъ-то онъ Михайла снаряжается,
Опять назадъ ко корбы ко темныя
А ко тыи ко грязи ко черныя,
Къ царю онъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву,
А ѣхалъ онъ туды да три мѣсяца.
Какъ приѣзжалъ онъ тутъ во царство-то
Къ царю онъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву,
А заѣзжалъ на его да на широкъ дворъ,
А становилъ онъ добра коня вѣдь середь широка двора,
Ко тому столбу ко точеному,
А привязалъ къ кольцу къ золоченому.
Насыпалъ коню онъ пшены бѣлоровой,
Самъ онъ шелъ вѣдь тутъ по новымъ сѣнямъ,
А заходилъ въ палату во царскую
Къ царю онъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву.
Какъ скоро онъ Михайлушка докладъ держалъ,
Клонится Михайло на всѣ стороны,
А клонится на четыре сторонушки,
Царю да Вахрамѣю въ особину:
— Здравствуй, царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!—
— „Ахъ здравствуй-ко, удалый добрый молодець!
— „Не знаю я тебѣ да ни имени,
— „Не знаю я тебѣ ни изотчины.
— „А царь ли ты вѣдь есть, ли царевичъ здѣ,
— „Ли король, ли ты королевичъ есть,
— „Али съ тиха Дону ты донской казакъ,
— „Аль грозный есть посоль Ляховитскій,
— „Аль старый казакъ ты Илья Муромецъ?“
Какъ говорить Михайла таково слово:
— Не царь-то вѣдь ужъ я, не царевичъ есть,
— А не король-то я, не королевичъ есть,
— Не изъ тиха Дону не донской казакъ,
— Не грозный я посоль Ляховитскій былъ,
— Не старый я казакъ Илья Муромецъ.
— А есть-то я изъ города изъ Кіева
— Молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.—
— „Зачѣмъ же ты, Михайла, заѣзжалъ сюда?“
— Зашелъ-то я сюда заѣзжалъ къ тебѣ,
— А царь ты, Вахрамѣй Вахрамѣевичъ,
— А я слыхалъ—скажутъ ты охвочъ играть
— Да въ доски-ты шахматны,
— А въ дороги тавлеи золоченыя,
— А я-то вѣдь еще ужъ также бы.

— Поиграемъ-ко во доски мы шахматны,
— Въ дороги тавлеи золоченя.
— Да ахъ же ты, царь Вахрамѣй Вахрамѣвичъ!
— Насыпь-ко ты да безсчетной золотой казны
— А сорокъ-то телѣгъ да ордынскіихъ —
Какъ ино тутъ Михайлушко спрговорить:
— Ахъ ты, царь же Вахрамѣй Вахрамѣвичъ!
— А бью я о головки молодецкія,
— Какъ я тебѣ буду служить да слугою вѣрною
— А сорокъ-то годовъ тебѣ съ годичкомъ,
— За сорокъ-то телѣгъ за ордынскіихъ.—
Какъ зтотъ-то царь Вахрамѣй Вахрамѣвъ былъ
Охвочъ играть во доски-ты шахматны
А въ дороги тавлеи золоченя,
Всякаго-то вѣдь онъ да поигралъ ¹⁾.
Какъ тутъ-то себѣ да вѣдь думаетъ:
А набъ ²⁾ мнѣ молодца да повыйграть.
Какъ тутъ они наставили дощечку-ту шахматну,
Начали они по дощечкѣ ходить гулять.
А тутъ Михайлушка ступень ступилъ—не достигилъ,
А другой какъ ступилъ, самъ призаступилъ,
А третій что ступилъ, его поигралъ,
А выигралъ безсчетну золоту казну
А сорокъ-то телѣгъ-тыхъ ордынскіихъ.
Говорить промолвить таково слово:
— Да ахъ ты, царь Вахрамѣй Вахрамѣвичъ!
— Топеречку еще было нунечку
— Данъ изъ города изъ Кіева спросилася.
— Тебѣ-то вѣдь нунъ она назадъ поидеть
— Какъ эта безсчетна золота казна,
— А за двѣнадцать годъ за прошлые что годы что за
нынѣшній,
— Назадъ-то вѣдь тутъ данъ поворотилася.—
Какъ тутъ-то вѣдь царю да Вахрамѣю Вахрамѣву
А стало зарко ³⁾ есть, роззадорило,
Стало жаль безсчетной золотой казны.
Какъ говоритъ Михайлѣ таково слово:
— „А молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ.
— „А поиграемъ еще со мной ы другой-отъ разъ.
— „Насыплю я безсчетной золотой казны
— „А сорокъ я телѣгъ да ордынскіихъ,
— „А ты-то мнѣ служить да слугою будь вѣрною
— „А сорокъ-то годовъ еще съ годичкомъ“.
Какъ бьетъ опять Михайлушко о своей головкѣ моло-
децкія,

1) Обыгрывалъ. 2) Надо бы. 3) Обидно.

Наставили тутъ доску-ту шахматну,
Какъ начали они тутъ ходить гулять
По той дощечкѣ по шахматной.
Какъ тутъ Михайлушка ступень ступиль—не доступиль,
А другой-то ступиль, самъ призаступиль,
А третій-то ступиль, его и поигралъ,
Какъ выигралъ безсчетной золотой казны
Сорокъ-то телѣгъ да ордынскіихъ.
Какъ тутъ-то вѣдь царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ
Воспроговорить опять онъ таково слово:
— „Молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— „Сыграемъ-ко мы еще остатній разъ
— „Во тыи во дощечки во шахматны.
— „Какъ я-то вѣдь ужъ царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ
— „А бью съ тобой, Михайло сынъ Ивановичъ,
— „А о тоемъ о томъ великъ залогъ,
— „А буду я платить дань во Кіевъ градъ,
— „А за тыихъ двѣнадцать лѣтъ за прошлые что годы
что за нынѣшній,
— „А сорокъ я телѣгъ да ордынскіихъ;
— „А ты бей-ко о головки молодецкія,
— „Служить-то мнѣ слугою да вѣрною,
— „А будь ты мнѣ служить да до смерти-то“.
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка
А бьетъ-то онъ о головки молодецкія,
Служить-то царю до смерти-то.
Остатній разъ наставили дощечку тутъ шахматну
А въ тутъ Михайлушка ступень ступиль-не доступиль,
А другой-то ступиль, самъ призаступиль,
А третій какъ ступиль, его и поигралъ,
Выигралъ безсчетну золоту казну,
А дань платить во Кіевъ градъ великую.
На ту пору было, на то времечко
А налеталъ тутъ голубъ на окошечко,
Садился-то тутъ голубъ со голубкою,
Началъ по окошечку похаживать,
А началъ онъ затѣмъ выговаривать
А тѣмъ, а тѣмъ языкомъ человѣческимъ:
— Молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты играешь, молодець, да проклаждаешься,
— А надъ собой невзгодушки не вѣдаешь.
— Твоя-то есть вѣдь молода жена,
— А тая-та вѣдь Марья, лебедь бѣлая, преставилась.—
Скочилъ тутъ какъ Михайла на рѣзвы ноги,
Хватилъ онъ эту доску тутъ шахматну,
Какъ бросилъ эту доску о кирпичный мостъ ¹⁾

1) Польш.

А во палаты тутъ да во царскія,
А терема всѣ тутъ пошаталися,
Хрустальныя оконницы посыпались,
Да князи тутъ бояра всѣ мертвы лежать,
А царь тотъ Вахрамѣй Вахрамѣевичъ
А ходитъ-то вѣдь онъ раскорякою,
Какъ самъ онъ говорилъ таково слово;
— „Ахъ молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— „Оставь ты мнѣ бояръ хоть на сѣмена,
— „Не стукай-ко доской ты во кирпичный мостъ“.
Какъ говоритъ Михайло таково слово;
— Ахъ же ты, да царь Вахрамѣй Вахрамѣевъ былъ!
— А скоро же ты вези-тко безсчетну золоту казну
— Во стольный-отъ городъ да во Кіевъ градъ.—
Какъ скоро самъ бѣжалъ на широкой дворъ,
Какъ ино вѣдь сѣдлаетъ онъ своего добра коня,
Сѣдлаетъ, самъ выговариваетъ:
— Да ахъ же ты, мой-то вѣдь ужъ добрый конь!
— А несъ-то ты сюды меня три мѣсяца,
— Неси-тко нунъ домой меня во три часа.—
Приправливалъ Михайлушка добра коня,
Пошелъ онъ поскакалъ его добрый конь
Рѣки-ты озера перескакивать,
А темный-отъ вѣдь лѣсъ промежъ ногъ пустилъ,
Пришелъ онъ прискакалъ да во Кіевъ градъ,
Пришелъ онъ прискакалъ вѣдь ужъ въ три часа.
Разсѣдлывалъ коня тутъ разуздывалъ,
А насыпалъ пшены бѣлояровой,
А скоро самъ бѣжалъ онъ на выходы высокіе,
Закричалъ Михайло во всю голову:
— Да ай же, мои братьица крестовые,
— Крестовые вы братьица названные,
— Ай старый казакъ ты Илья Муромецъ,
— А молодой Добрынюшка Микитиничъ!
— А подьте-тко вы къ брату крестовому
— А на тую на думушку великую.—
Какъ тутъ-то вѣдь ужъ братьица справлялися,
Тутъ-то они удалы снаряжалися,
Приходятъ они къ брату крестовому,
Къ молоду Михайлѣ да къ Потыку:
— „Ай же, братъ крестовый нашъ названный?
— „А ты чего кричишь, насъ тревожишь ты,
— „Русійскіихъ могучихъ насъ богатырей?“.
Какъ онъ на то вѣдь имъ отвѣтъ держитъ:
— Да ай же, мои братьица крестовые,
— Крестовые вы братьица названные,
— Стройте вы колоду бѣлодубову,

— Итти-то мнѣ во матушку во сыру землю
— А со тымъ со тѣломъ со мертвымъ,
— Итти-то мнѣ туды да на три года,
— Чтобы можно класть-то хлѣба соли, воды да туды-ка-ва,
— Чтобы было, тамъ мнѣ на три года запасу-то.—
Какъ этии тутъ братица крестовые
Скорымъ-скоро, скоро да скорешенько
Какъ строили колоду бѣлодубову;
Какъ тотъ этотъ Михайла сынъ Ивановъ былъ
Какъ скоро самъ бѣжалъ онъ во кузницу,
Сковалъ тамъ онъ трои-ты клеща-ты,
А трои прутья еще да желѣзные,
А трои еще прутья оловянные,
А трети напоследъ еще мѣдные.
Какъ заходилъ въ колоду бѣлодубову
А со тымъ со тѣломъ со мертвымъ,
Какъ братица крестовы тутъ названные
Да набили они обручи желѣзные
На тую колоду бѣлодубову.
А это тутъ вѣдь дѣло да дѣется
А во тую въ субботу въ Христовскую;
Какъ тутъ этотъ старый казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ,
А братья что крестовые названные,
Копали погребъ тутъ они глубокии,
Спустили ихъ во матушку во сыру землю,
Зарыли-то ихъ въ желты пески.
Какъ тамъ было змѣя подземельная,
Ходила тамъ змѣя по подземелью,
Приходить къ той колодѣ бѣлодубовой,
Какъ разъ она змѣя тутъ да дернула,
А обручи на колоды тутъ лопнули.
Другой-отъ разъ еще она и дернула,
А рядъ-то она тесу тутъ сдернула
А со тьи колоды бѣлодубовой.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлѣ не дойдетъ сидѣть,
А скоро какъ скочилъ онъ тутъ на ноги,
Хватилъ-то онъ тутъ клещи желѣзные.
Какъ этая змѣя тутъ подземельная
Третій еще разъ она дернула,
Остатній-то рядъ она сдернула.
Какъ тутъ Михайла съ женой споказались,
Да тутъ тая змѣя зрадовалася:
„А буду-то я нунчу сытая,
„Сытая змѣя не голодная.
„Одно есте тѣло да мертвое,
„Друга жива головка человѣческа“.

Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановичъ
Захватилъ змѣю ю во клещи-ты,
Хватилъ онъ тутъ-то прутья желѣзные,
А почаль бить поганую ю въ одноконечную ¹⁾).
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
„Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня:
„А принесу я ти живу воду да въ три года“.
Какъ бьетъ-то змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
„Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„А я принесу я-то живу воду да въ два году“.
— Да нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать.—
Какъ бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
„Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„Принесу-то я тебѣ живу воду въ одинъ-то годъ“.
А расхлесталъ онъ прутья-то желѣзные
О тую змѣю о проклятую,
Хватилъ онъ тутъ-то прутья оловянные,
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
„Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„Принесу тебѣ живу воду я въ полъ-года“.
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать.—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
„Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„А принесу живу воду въ три мѣсяца“.
— А нѣтъ-то, мнѣ, поганая, все долго ждать.—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
„Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„А принесу живу воду въ три мѣсяца“.
— А нѣтъ-то, мнѣ, поганая, все долго ждать.—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
„Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„А принесу я ти живу воду а въ мѣсяць-то“.

¹⁾ Безъ перерыва.

— А нѣтъ-то, мнѣ, окаянная, все такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную,
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
„Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„А принесу я ти живу воду въ недѣлю-то“.
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, покланяется:
„Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь!
„Принесу я ти живу воду въ три-то дни“.
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, покланяется:
„Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь!
„Принесу я ти живу воду въ два-то дня“.
— А нѣтъ, мнѣ, окаянная, все такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, покланяется:
А говоритъ змѣя да таково слово:
„А принесу живу воду въ одинъ-то день“.
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
Какъ бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
А молится змѣя тутъ, покланяется:
„Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь!
„Не бей больше змѣи, не кровавь меня,
„Принесу я ти живу воду въ три часу“.
Какъ отпускалъ Михайло сынъ Ивановъ былъ
Какъ эту змѣю онъ поганую,
Какъ взялъ въ закладъ къ себѣ змѣенышовъ,
Не спустилъ ихъ со змѣей со поганую.
Полетѣла та змѣя по подземелью,
Принесла она живу воду въ три часу.
Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ
Взялъ онъ тутъ да вѣдь змѣеныша,
Ступилъ-то онъ змѣенышу на ногу,
А какъ раздернулъ-то змѣеныша на-двое,
Приклялъ-то вѣдь по старому въ одно мѣсто,
Помазаль-то живой водой змѣеныша,
Какъ сросся-то змѣенышъ, сталь по-старому;
А въ другіихъ помазаль — шевелился онъ,
А въ третіихъ-то збрызнулъ-побѣжалъ-то какъ.
Какъ говоритъ Михайло таково слово:
— Ай же ты, змѣя да поганая!
— Клади же ты да заповѣдь великую,
— Чтобы ти не ходить по подземелью,
— А не съѣдать-то бы тѣль ти мертвыхихъ. —

Какъ клала она заповѣдь поганая великую
А не ходить больше по подземелью,
А не съѣдать бы тѣль да вѣдь мертвыхъ,
Спустиль-то онъ поганую, не раниль ли.
Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ
Збрызнулъ эту Марью лебедь бѣлую
Живой водой да ю да вѣдь этою,
Какъ тутъ она еще да вѣдь вздрогнула.
Какъ другой разъ збрызнулъ—она сидя сѣла-то,
А въ третѣихъ-то онъ збрызнулъ—она повыстала ¹⁾,
А даль воды-то въ ротъ—она заговорила-то:
— Ахъ молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— А долго-то я нунечку спала-то,—
„Кабы не я, такъ ты вѣдь вѣкъ бы спала-то,
„А ты вѣдь да Марья лебедь бѣлая“.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка раздумался,
А какъ бы имъ повытти со сырой земли.
Какъ думаль-то Михайлушка, удумаль онъ.
А закричалъ Михайла во всю голову.
Какъ этое дѣло-то вѣдь дѣется,
Выходить что народъ тутъ отъ завтреники Христовскія.
На тую на буевку ²⁾ да на ту сыру землю.
Какъ ино вѣдь народъ еще приуслухались,
А что это за чудо, за диво есть,
Мертвые въ землѣ закричали всѣ.
Какъ этии тутъ братьица крестовые,
Старый казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ
Въ одно мѣсто они сходилися,
Сами тутъ они вѣдь ужъ думу думаютъ:
— А видно нашъ есть братецъ былъ крестовый,
— А стало душно-то ему во матушкѣ сырой землѣ,
— А со тымъ со тѣломъ со мертвымъ,
— А онъ кричитъ вѣдь тамъ громкимъ голосомъ.—
Какъ скоро вѣдвали лопаты желѣзныя,
Бѣжали тутъ они да на яму-ту,
Разрыли какъ они тутъ желты пески,
Ажно тамъ они да оба живы.
Какъ тутъ выходилъ Михайло изъ матушки сырой земли,
Скоро онъ тутъ съ братцами христоксался.
Какъ началъ тутъ Михайлушка жить да быть,
Тутъ пошла вѣдь славушка великая
По всей орды, по всей земли, по всей да селенныи,
Какъ есть-то есте Марья лебедь бѣлая,
Лебедушка тамъ бѣлая, дочь царская,

¹⁾ Встала. ²⁾ Кладбище.

А царская тамъ дочка мудреная,
Мудрена она дочка безсмертная.
Какъ на эту на славушку великую
Пріѣзжаетъ тутъ этотъ прекрасный царь Иванъ Окулье-
вичъ

А со своей со силою великою
А на тотъ-то на да Кіевъ градъ.
Какъ на ту пору было, на то времечко
Богатырей тутъ дома не случилось,
Стольки ¹⁾ тутъ дома да случился
Молодой Михайло Потыкъ, сынъ Ивановичъ.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка сряжается,
А тутъ-то вѣдь Михайло снаряжается
Во далече еще во чисто поле,
А драться съ той со силою великою.
Подѣхалъ тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ,
Прибилъ онъ эту силу всю въ три часа.
Воротился тутъ Михайлушка домой онъ во Кіевъ градъ,
Да тутъ-то вѣдь Михайлушка онъ спать-то легъ.
Какъ спитъ онъ, молодець, прокладается,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
Опять-то пріѣзжаетъ тотъ прекрасный царь Иванъ
Окульевичъ,

Больше того онъ со силой съ войскомъ былъ,
А во тотъ-то во тотъ да во Кіевъ градъ.
А началъ онъ тутъ Марьюшку подсватывать,
А началъ онъ тутъ Марью подговаривать:
„Да ай же ты да, Марья, лебедь бѣлая!
„А ты псди-ко, Марья, за меня замужъ,
„А за царя ты за Ивана за Окульева“.
Какъ началъ улещать ю, уговаривать:
„А ты поди, поди за меня замужъ,
„А будешь слыть за мной ты царицею,
„А за Михайломъ будешь слыть не царицею,
„А будешь, станешь слыть портомойница ²⁾
„У стольнаго у князя у Владиміра“.
Какъ тутъ она еще да подумала:
— А что-то мнѣ-ка слыть портомойница,
— А лучше буде слыть мнѣ царицею
А за тѣмъ за Ивановъ за Окульевичемъ.—
Какъ ино тутъ она еще на то укидалася,
Позвалася, пошла за его замужъ.
Какъ спитъ-то тутъ Михайло прокладается,
А ничего Михайлушко не вѣдаетъ.
А тутъ-то есть его молода жена,

1) Только. 2) Прачка.

А тая-то вѣдь вѣдь было любима семья,
А еще она Марья лебедь бѣлая,
Замужъ пошла за прекраснаго царя-то за Окульева.

Поѣхалъ тутъ-то царь въ свою сторону.
Какъ ото сну богатырь пробуждается,
Молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь.

Какъ тутъ-то его братьица приѣхали,
Старый казакъ да Илья Муромецъ,
А молодой Добрынюшка Микитиницъ.
Какъ началъ онъ у ихъ тутъ доспрашивать,
Какъ началъ онъ у ихъ тутъ доведывать:

„Да ай же, мои братьица крестовые,

„Крестовые вы братьица названные!

„А гдѣ-то есть моя молода жена

„А тая-то вѣдь Марья, лебедь бѣлая?“

Какъ тутъ ему они вопроговорятъ:

— Какъ слышали отъ князя отъ Владиміра,

— Твоя-то тамъ есте молода жена

— Она была вѣдь нунечку замужъ пошла

— А за царя-то за Ивана за Окульева.—

Какъ онъ на то вѣдь имъ отвѣтъ держитъ:

„Ай же, мои братьица крестовые!

„Пойдемте мы, братьица, за имъ слѣдъ съ угоною“ ¹⁾.

Говорятъ ему таково слово:

— Да ай же ты, нашъ братецъ крестовый былъ!

— Не честь то намъ хвала молодцамъ

— А ѣхать за чужой женой еще слѣдъ съ угоною.

— Кабы ѣхать намъ-то вѣдь ужъ слѣдъ тебя,

— Дакъ ѣхали бы мы слѣдъ съ угоною.—

— А ѣдь-ко ты одинъ добрый молодецъ,

— А ѣдь-ко, ничего да не спрашивай,

— А застанешъ ты вѣдь ихъ на чистомъ полѣ,

— А отсѣки ты тамъ царю да головушку.—

Поѣхалъ тутъ Михайла слѣдъ съ угоною,

Засталь-то вѣдь ужъ ихъ на чистомъ полѣ.

Какъ этая тутъ Марья, лебедь бѣлая,

Увидала тутъ Михайлушку Потыка,

Какъ тутъ скоро наливала питей она,

А питей наливала да сонныхъ.

Подходить тутъ къ Михайлѣ да къ Потыку:

„Ахъ, молодѣ-то ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!

„Меня силомъ везетъ да прекрасный царь Иванъ Окулье-
вичъ.

„Какъ выпей-ко ты чару зелена вина

„Со тоски, досады со великія“.

1) Въ погоню.

Какъ тутъ этотъ Михайла сынъ Ивановичъ
Выпиваль онъ чару зелена вина,
А по другой да тутъ душа горить,
Другую-то онъ выпилъ да вѣдь третью вслѣдъ.
Напился тутъ Михайла онъ допьяна,
Паль-то на матушку, на сыру землю,
Какъ втая тутъ Марья, лебедь бѣлая,
А говорить Ивану таково слово:
„Прекрасный ты царь Иванъ Окульевичъ!
„А отсѣки Михайлѣ ты головушку“.
Какъ говорить Иванъ тутъ таково слово:
— Да ахъ же ты да, Марья, лебедь бѣлая!
— Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
— А соннаго-то бить что мнѣ мертваго.
— А лучше онъ проспится протверзится,
— Дакъ буду я бить-то его силою,
— Силою я войскомъ великимъ,
— А будетъ молодцу мнѣ тутъ честь хвала.—
Какъ тутъ она еще да скорымъ скоро
Приказала-то слугамъ она вѣрнымъ
А выкопать что яму глубокою.
Какъ слуги ей тутъ да вѣрные
Копали они яму глубокою.
Взимала тутъ Михайлу подъ пазухи,
Какъ бросила Михайла во сыру землю,
А приказала-то зарыть его въ песочки жолтые.
Какъ ино тутъ впередъ они поѣхали,
Оставался тутъ Михайла на чистомъ полѣ,
Какъ тутъ-то у Михайлы вѣдь добрый конь
А побѣжалъ ко городу ко Кіеву,
А прибѣгалъ тутъ конь да во Кіевъ градъ,
А началъ онъ тутъ бѣгать да по Кіеву.
Увидли-то какъ братья тутъ крестовые,
Молодой Добрынюшка Микитиницъ
А старый казакъ тутъ Илья Муромецъ,
Сами какъ говорятъ промежу собой:
„А нѣтъ жива-то братца же крестоваго,
„Крестоваго-то братца названнаго,
„Молода Михайлушки Потыка“.
Садились тутъ они на добрыхъ коней,
Поѣхали они слѣдъ съ угоною.
А ѣдутъ тутъ они по чисту полю,
Михайлинъ еще конь напередъ бѣжить.
А прибѣгалъ на яму на глубокою,
Какъ началъ тутъ онъ ржать да копьемъ-то мять ¹⁾

¹⁾ Ошибочно в м. копытомъ.

Во матушку во ту во сыру землю.
 Какъ смотрять эти братьица крестовые:
 „А видно этта братецъ нашъ крестовый былъ,
 „А молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ“.
 Какъ тутъ-то вѣдь они да скорымъ скоро
 Копали эту яму глубокую,
 А онъ-то тамъ проспался, прохмѣлился, протверзился.
 Спочилъ-то тутъ Михайла на рѣзвы ноги,
 Какъ говоритъ Михайла таково слово:
 — Ай же мои, братьица крестовые!
 — А гдѣ-то есте Марья, лебедь бѣлая?—
 Говорять тутъ братья таково слово:
 „А тая-то вѣдь Марья, лебедь бѣлая,
 „Она-то вѣдь ужъ нунечку замужъ пошла
 „А за прекраснаго царя да за Окульева“..
 — Поѣдемте мы, братьица, съ угоною.—
 Какъ говорятъ они тутъ таково слово:
 „Не честь-то намъ хвала молодецкая
 „А ѣхать намъ за бабой слѣдъ съ угоною,
 „А стыдно намъ буде да похабно ¹⁾ е.
 „А ѣдь-ко ты одинъ, добрый молодець,
 „Застанешь-то вѣдь ихъ ты на чистомъ полѣ,
 „А ничего больше ты не слѣдуй-ко,
 „А отсѣки царю ты буйну голову,
 „Возьми къ себѣ ты Марью, лебедь бѣлую“.
 Какъ тутъ-то онъ, Михайлушка, справляется,
 Какъ скоро слѣдъ съ угоной снаряжается.
 Засталь-то ихъ опять на чистомъ полѣ,
 А у тѣхъ у разстанокъ у крестовскихъ,
 А у того креста Леванидова.
 Увидла тая Марья, лебедь бѣлая
 Молода Михайлу тутъ Потыка,
 Какъ говоритъ она таково слово:
 — Ай же ты, прекрасный царь Иванъ Окульевъ, ты!
 — А не отсѣкъ Михайлѣ буйной головы,
 — А отсѣкеть Михайла ти головушку.—
 Какъ тутъ она опять скорымъ-скоро
 А налила питей еще сонныхъ,
 Подносить-ли Михайлушкѣ Потыку,
 Подносятъ-то, сама уговариваетъ:
 — А какъ межѣнный ²⁾ день не можетъ живъ-то быть,
 — Не можетъ живъ-то быть да безъ краснаго сол-
 нышка,
 — А такъ я безъ тебя, молодой Михайла Потыкъ сынъ
 Ивановичъ,

1) Непростойно. 2) Лѣтній, жаркій.

- А не могу-то я не ѣсть, не пить,
— Не ѣсть, не пить, не могу больше жива быть
— А безъ тебя, молодой Михайла Потыкъ сынъ Ива-
новичъ.
- А выпей-ко съ тоски нунь съ кручинушки,
— А выпей-ко ты чару зелена вина.—
Какъ тутъ-то вѣль Михайлушка на то да укидается,
А выпилъ-то онъ чару зелена вина,
А выпилъ, по другой душа горить,
А третью-то онъ выпилъ, самъ пьянь-то сталъ,
А палъ на матушку на сыру землю.
Какъ тая эта Марья, лебедь бѣлая,
А говорить, промолвить таково слово:
— Прекрасный ты царь Иванъ Окульевичъ!
— А отсѣки Михайлѣ буйну голову,
— Полно тутъ Михайлѣ слѣдъ гоняться.—
А говорить тутъ онъ таково слово:
„Ай же ты, Марья, лебедь бѣлая!
„А соннаго-то битъ что мнѣ мертваго.
„А пусть-ка онъ проспится, прохмѣлится, протверезится,
„А буду вѣдь я его битъ войскомъ-то,
„А ратью-то я вѣдь силушкой великою“.
●на ему на то отвѣтъ держать:
— Прибьетъ-то вѣдь силу-то великую.—
Опять-то царь на то не слагается ¹⁾,
А поѣзжаетъ-то царь да впередъ опять.
Какъ этая тутъ Марья, лебедь бѣлая
Взимала тутъ Михайлушку Потыка,
Какъ бросила Михайлу черезъ плечо,
А бросила, сама выговариваетъ:
— А гдѣ-то былъ удалый добрый молодець,
— А стать-то бѣлъ горячій камешекъ,
— А этотъ камешекъ пролежи да наверхъ земли три
году,
— А черезъ три году пройди-ко онъ скрозь матушку
скрозь сыру землю.—
- Поѣхали они тутъ впередъ опять,
А пріѣхали въ эту землю Сарацинскую.
Какъ познали тутъ братьица крестовые,
Старый казакъ тутъ Илья Муромецъ
А молодой Добрынюшка Микитиничъ,
А не видать что братаца есть крестоваго,
Молода Михайлы Потыка Иванова,
Сами тутъ говорятъ промежу собой:
„А набъ ²⁾ искать-то братаца намъ крестоваго,

1) Соглашается. 2) Надо бы.

„А молода Михайлу Потыка Иванова“.
Какъ справились ¹⁾ они тутъ каликами,
Идутъ они путемъ да дорожкой,
Выходитъ старичокъ со сторонушки:
— А здравствуйте-тко, братцы, добры молодцы,
— А старый казакъ ты Илья Муромецъ
— А молодой Добрынюшка Микитиничъ!—
А онъ-то ихъ знаетъ, да они не знаютъ кто:
„А здравствуй-ко ты еще, дѣдушко“.
— А Богъ вамъ по пути, добрымъ молодцамъ.
— А возьте-ка ²⁾ вы, братцы, во товарищи,
— Во товарищи вы возьте, въ атаманы вы.—
Какъ тутъ-то они вѣдъ думу думаютъ,
Сами-то говорятъ промежу собой:
„Какой-то есть товарищъ еще намъ-то былъ,
„А гдѣ ему да гнаться за нами-то!...
„А ради мы вѣдъ, дѣдушко, товарищу“.
Пошелъ рядомъ съ има тутъ дѣдушко,
Пошелъ рядомъ, еще напередъ-то ихъ.
А стали какъ они оставляться бы,
Едва-то старичка на виду его держать-то.
Какъ тутъ пришли въ землю въ Сарацынскую,
Къ прекрасному къ царю да къ Ивану Окульеву,
Ко той ко Марьѣ Вахрамѣевнѣ.
Какъ стали тутъ они да рядомъ еще,
Закричали тутъ они во всю голову:
— Ахъ же ты да, Марья, лебедь бѣлая,
— Прекрасный ты царь Иванъ Окульевъ былъ!
— А дайте намъ злату еще милостыню спасеную.
Какъ тутъ-то въ землѣ Сарацынскія
Теремы во царствіи пошатались,
Хрустальныя оконницы посыпались
А отъ того отъ крику отъ каличьяго.
Какъ тутъ она въ окошко по поясу бросалася,
А зтая-то Марья, лебедь бѣлая,
А смотрѣть-то каликъ что перехожіихъ.
А смотреть, что сама воспроговорить:
„Прекрасный ты царь Иванъ Окульевичъ!
„А это не калики, есте русскіе богатыри:
„Старый казакъ Илья Муромецъ
„А молодой Добрынюшка Микитичъ-онъ,
„А третій я не знаю какой-то е.
„Возьми каликъ къ себѣ, ты корми, пой“.
Взимали тутъ каликъ да къ себѣ они
А во тую полату во царскую,

1) Нарядиася. 2) Возьмите.

Кормили-то, поили каликъ они досыта,
А досыта кормили ихъ да допьяна,
А надали ихъ злата тутъ серебра,
Насыпали-то имъ да по подсумку.
Какъ тутъ они пошли назадъ еще добры молодцы
Къ стольному ко городу ко Киеву,
А отошли отъ царства ровно три версты,
Забыли они братца что крестоваго,
А молода Михайлу Потыка Иванова.
Какъ отошли они, затѣмъ вспомнили:
— Зачѣмъ-то мы пошли, а не то сдѣлали,
— Забыли-то мы братца-то крестоваго,
Молода Михайлу Потыка Иванова.—
Какъ тутъ скоро назадъ ворочались,
Сами тутъ говорятъ таково слово:
— Ай же ты да, Марья, лебедь бѣлая.
— Куды дѣвала ты да братца-то крестоваго,
— А молода Михайлушка Потыка?—
Какъ тутъ она по поясу въ окошко-то бросалася,
Отвѣчаетъ-то имъ таково слово:
„А вашъ-то есте братецъ крестовый—
„Лежить онъ у разстанокъ у крестовскихъ,
„А у того креста Леванидова,
„А бѣлымъ горячимъ камешкомъ“
Какъ тутъ они поклонились, воротились,
Какъ тутъ пошли путемъ да дорогою;
Смотрятъ, ищутъ братца-то крестоваго,
Проходятъ они братца-то крестоваго.
Какъ этака калика переходя
А говорить тутъ имъ таково слово:
— Ай же вы да, братья все крестовые!
— Прошли да вы что братца есть крестоваго,
— А молода Михайлу Потыка Иванова.—
Какъ тутъ-то воротился старичокъ-тотъ былъ,
Приводить этихъ братицевъ крестовыхъ
Ко тому горячему ко камешку,
Да говорить тутъ старичокъ таково слово:
„А скидывайте-ко вы, братцы, съ плечъ подсумки,
„А кладте вы еще на сыру землю,
„А высыпайте вы да золото-серебро,
„А сыпте-тка все вы въ одно мѣсто“.
Какъ высыпали золото они серебро
А со тыхъ со тыхъ да со подсумковъ,
А сыпали они тутъ въ одно мѣсто.
Какъ началъ старичокъ тутъ живота ¹⁾ дѣлить,

¹⁾ Имѣніе, деньги.

Дѣлать онъ на четыре на части бы.
Какъ тутъ-то говорятъ они таково слово:
„Ай же ты да, дѣдушко, древній былъ!
— А что же ты животь дѣлишь не ладно бы,
— А на четыре-то части не ровно-то бы?—
Какъ говорить старикъ тутъ таково слово:
„А кто-то этотъ здынеть ¹⁾ да камешокъ,
„А кинетъ этотъ камень черезъ плечо,
„Тому двѣ кучи да злата-серебра“.
А посылаетъ Ильюшенка Добрынюшку
А призынуетъ тотъ камешекъ горючій.
Скочилъ-то тутъ Добрынюшка Микитичъ-онъ,
Хватилъ онъ этотъ камень, здынулъ его,
Здынулъ-то столько до колѣнъ-то онъ,
А больше-то Добрынюшка не могъ здынуть,
А бросилъ этотъ камень на сыру землю.
Подскакивалъ вѣдь тутъ Илья Муромецъ,
Здынулъ онъ этотъ камень до пояса,
Какъ больше-то Ильюшенка не могъ здынуть.
Какъ этотъ старичокъ тутъ подхаживалъ
А этотъ-то онъ камешекъ покатывалъ,
А самъ онъ камешку выговаривалъ:
„А гдѣ-то былъ горючій бѣлый камешекъ,
„А стань-ко тутъ, удалый добрый молодецъ,
„А молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
„Подлекчись-ко, Михайлушка, легкимъ-легко!“
Взималъ-то онъ да кинулъ черезъ плечо,
А назади тамъ сталъ удалый добрый молодецъ,
Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ.
Какъ тутъ-то старичокъ имъ спрговорить:
„Ай же вы, богатыри русскіе!
„А я-то есть Микола Можайскій,
„А я вамъ пособляю за вѣру-отечество
„А я-то вамъ есть русскіимъ богатырямъ“.
Да столько они видли старичка тутъ бы.
Какъ строили они тутъ часовенку
Тому они Миколѣ Можайскому.
Какъ тутъ этотъ Михайло сынъ Ивановичъ
А говорить-то имъ таково слово:
— Ахъ же, мои братья крестовые!
— А гдѣ-то есть моя молода жена,
— А тая-та вѣдь Марья, лебедь бѣлая?—
Какъ говорятъ они таково слово:
„Твоя-та еще есть молода жена
„Замужъ пошла за царя за Ивана за Окульева“.

1) Поднимаетъ.

Какъ говорить онъ имъ таково слово:

— Пойдемте ко мы, братцы, слѣдъ съ угоною.—

Какъ говорятъ они таково слово:

„Не честь-то намъ хвала молодецкая

„Итти намъ за чужой-то женой вѣдь за бабою.

„Какъ мы-то за тобой, добрый молодець,

„Идемъ то мы да слѣдъ-то съ угоною.

„Поди тко ты одинъ, добрый молодець.

„А ничего не слѣдуй ко, не спрашивай,

„А отсѣки царю ты буйну голову,

„Туть возьми ты Марью, лебедь бѣлую“.

Какъ скоро шель Михайла-онъ Потыкъ-тотъ,

А приходиль въ землю Сарацинскую;

Идеть-то онъ къ полатѣ ко царскія.

Увидла тая Марья, лебедь бѣлая,

Какъ налила питей она сонныхъ

А тую эту чару зелена вина,

Сама туть говорить таково слово:

— Прекрасный ты царь Иванъ Окюльевъ былъ!

— А не отсѣкъ Михайлѣ буйной головы,

— А онъ-то нонь Михайлушка живой-то сталъ.—

Какъ туть она подходитъ близешенько,

А клонится Михайлѣ понизешенько:

— Ахъ ты, молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!

— Силомъ увезъ прекрасный царь Иванъ Окюльевичъ.

— Какъ нунечку еще было топеречку

— Меженный день не можетъ живъ-то быть

— А безъ того безъ краснаго безъ солнышка,

— А такъ я безъ тебя, молодой Михайло Потыкъ сынъ
Ивановичъ,

— А не могу-то я да вѣдь жива быть,

— А жива быть, не могу-то ѣсть ни пить.

— Топерь твои уста были печальныя,

— А ты-то вѣдь въ великой во кручинумкѣ,

— А выпей-ко съ тоски ты со досадушки

— А нунечку какъ чару зелена вина.—

Какъ выпиль-то онъ чару по другой душа горить,

А другу выпиль, еще третью слѣдъ.

Напился туть Михайлушка допьяна,

Паль онъ туть на матушку на сыру землю.

Какъ этая туть Марья, лебедь бѣлая,

А говоритъ, промолвить таково слово:

— Прекрасный ты царь Иванъ Скульевичъ!

— А отсѣки Михайлѣ буйну голову.—

А говоритъ-то царь таково слово:

„Да ай же ты да, Марья, лебедь бѣлая!

„Не честь-то мнѣ хвала молодецкая

„А бить-то мнѣ ка соннаго что мертваго,
„А лучше пусть проспится, прохмелится, протверезится,
„А буду бить его я вѣдь войскомъ-тымъ
„А силушкой своей я великою.
„Какъ я его побью, а мнѣ-ка будетъ тутъ честь хвала
„По всей орды еще да селенныи“
Какъ тутъ-то эта Марья, лебедь бѣлая,
Бѣжала вѣдь какъ скоро въ кузницу,
Сковала тутъ она да вѣдь пять гвоздоевъ,
Взимала она молотъ три пуда тутъ,
Ставила тутъ Михайла какъ подь пазухи,
Ставила что къ стѣнѣ-то городовьи,
Распялила Михайла она на стѣну,
Забила ему въ ногу да гвоздь она,
А въ другую забила другой она,
А въ руку-то забила она, въ другу такъ,
А пятый-отъ гвоздь она обронила-то.
Какъ тутъ она еще да Михайлушку
Ударила вѣдь молотомъ въ бѣло лицо,
Облился-то онъ кровью тутъ горячею.
Какъ ино тутъ у того прекраснаго царя Ивана да
Окульева

А было-то сестрица да родная,
А та эта Настасья Окульевна.
Пошла она гулять тутъ по городу,
Приходить ко стѣнѣ къ городовьи,
А смотреть: тутъ задернута черная завѣса,
Завѣшенъ тутъ Михайлушко Потыкъ-онъ.
Какъ тутъ она вѣдь завѣсы отдернула,
А смотреть на Михайлушку Потыка.
Какъ тутъ онъ прохмелился добрый молодець,
Какъ тутъ ему она воспроговорить:
— Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Возьмешь ли ты меня за себя замужъ?
— А я бы-то тебя да избавила
— А отъ тьи отъ смерти безнапрасныя.—
„Да ай же ты, Настасья Окульевна!
„А я тебя возьму за себя замужъ“.
А клаль-то онъ тутъ заповѣдь великую.
Какъ этая Настасья тутъ Окульевна
Скорымъ-скоро бѣжала въ кузницу,
Взимала она клещи тамъ желѣзныя,
Отдирала отъ стѣны городовья
А молода Михайлушку Потыка.
Взимала тамъ она съ тюрмы грѣшника,
На мѣсто да прибила на стѣну городовую,
Гдѣ висѣлъ Михайлушка Потыкъ-тотъ,

А уташила тутъ Михайлушку Потыка
Въ особой-то покой да въ потайный.
Какъ взяла она надобей ¹⁾ здравыхъ,
Скорымъ-скоро излѣчила тутъ Михайлушку.
Сама тутъ говорить таково слово:
— Ай же ты, Михайло сынъ Ивановъ былъ!
— А набѣ-то тебѣ латы и кольчуги нунь,
— А набѣ-то тебѣ сабля-та вострая,
— А палица еще богатырская,
— А набѣ-то тебѣ да добра коня?—
„Ай же ты, Настасья Окульевна!
„А надо, нужно, мнѣ-ка-ва надо вѣдь“.
Какъ тутъ она да скорымъ-скоро скорешенько
Приходить да ко родному братцу-то:
— Ай же ты, мой братецъ родимый,
— Прекрасный ты царь Иванъ Окулевичъ!
— А я-то красна дѣвушка нездрава е.
— Ночесь мнѣ во снѣ-видѣньи казалось ли,
— Какъ даль ты ужъ мнѣ бы добра коня,
— А латы-ты ужъ мнѣ-ка, кольчуги-ты,
— А палицу еще богатырскую,
— Саблю да. во-третьихъ, вострую,
— Да здрава-то бы стала красна дѣвушка.—
Какъ онъ ей давалъ латы еще да кольчуги-ты,
А палицу еще богатырскую,
Даваеъ, въ-третьихъ, саблю-ту вострую,
Давалъ онъ ей еще тутъ добра коня,
Добраго коня богатырскаго.
Какъ тутъ она сокрутилась ²⁾ обидилась,
Обсѣдлала коня богатырскаго,
Какъ отѣзжала тутъ она на чисто поле,
Говорила-то Михайлушкѣ Потыку,
Какъ говорила тамъ она ему въ потай ³⁾ еще:
— Приди-ко ты, Михайло, на чисто поле,
— А дамъ я тебѣ тутъ добра коня,
— А дамъ тебѣ латы, кольчуги всѣ,
— А палицу еще богатырскую,
— А саблю еще дамъ я ти вострую.—
А отходилъ Михайло на чисто поле,
А приѣзжать Настасья-та Окульевна
На тое на то на чисто поле
А ко тому Михайлушкѣ къ Потыку,
А подаваеъ скоро ему тутъ добра коня,
Палицу свою богатырскую,
А латы-ты, кольчуги богатырскія,

1) Лѣкарствъ. 2) Одѣлась. 3) Потихоцьку.

А саблю-ту еще она вострую;
Сокрутился тутъ Михайлушка богатыремъ.
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
Бѣжала-то она назадъ домой скорымъ-скоро,
Приходитъ-то ко родному братцу-то:
— Благодаримъ тебя, братецъ мой родимый!
— А даль-то вѣдь какъ ты мнѣ добра коня,
— А палицу ты мнѣ богатырскую,
— А саблю ты мнѣ-ка да вострую,
— А сѣздила я вѣдь прогулялася,
— Стала здрава я вѣдь нуньчу красна дѣвушка.—
Сама она подвыстала ¹⁾ на печку тутъ.
Какъ ѣдетъ молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Какъ на тоемъ на томъ добромъ конѣ.
Увидла тая Марья, лебедь бѣлая,
Какъ ино тутъ подѣзжать Михайло сынъ Ивановичъ
Ко той полаты ко царскія;
Какъ говоритъ-то Марья, лебедь бѣлая:
— Прекрасный ты царь Иванъ Окульевичъ!
— Сгубила насъ сестра твоя родная,
— А та эта Настасья Окульевна.—
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
Скоро она съ печки опускалася.
Какъ тая эта Марья, лебедь бѣлая,
А налила питей опять сонныхъ,
А налила она тутъ, подходитъ-то
А ко тому Михайлушкѣ Потыку:
— Ахъ, молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Топерь-то нуньчу, нуньчу топеречку,
— Не можеть-то меженный день а жить-то быть,
— А жить-то быть безъ краснаго безъ солнышка,
— А такъ я безъ тебя, а молодой Михайла смнѣ Ива-
новичъ,
— Не могу-то я вѣдь жива быть,
— Ни ѣсть, ни пить, ни жива быть.
— Какъ теперь твои уста нунь печальныя,
— Печальныя уста да кручинныя,
— А выпей-ко ты чару зелена вина
— Со той тоски со досадушки,
— А со досады съ той со великія.—
А просить-то она во слезахъ его,
А во тыхъ во слезахъ во великіихъ.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка Потыкъ-онъ
Занесъ-то онъ праву руку за чару-то,
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна

1) Влѣзла.

А толкнула она его подь руку,—
Улетѣла тая чара далечохонько.
Какъ тутъ молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Напередъ отсѣкъ-то Марьѣ буйну голову,
Потомъ отсѣкъ царю да прекрасному Ивану Окульеву,—
А только-то вѣдь имъ тутъ славы поютъ,—
А придаль-то онъ имъ да горькую смерть.
Какъ скоро взялъ Настасью Окульевну,
А взялъ онъ взялъ вѣдь ю за себя замужъ;
Пошли они во церковь во Божію,
Какъ приняли они тутъ златы вѣнцы,
Придался тутъ Михайлушка на царство-то.
А сталь-то тутъ Михайлушка царить-то жить
А лучше-то снѣ стараго да лучше прежняго.

Имя Михаила Потыка (или Потока) объясняется, какъ указано въ Очеркѣ (стр. 27), изъ житія болгарскаго святого (IX в.) Михаила изъ Потоуки. Какъ тотъ, такъ и другой около воды находятъ дѣвицу и въ концѣ-концовъ оба спасаютъ ее отъ змѣя, но большинство другихъ подробностей былины о Михаилѣ Потыкѣ не находятъ себѣ сходства съ житіемъ праведнаго Михаила изъ Потоуки. Объясняется это тѣмъ, что былина представляетъ изъ себя соединеніе различныхъ сказочныхъ мотивовъ на тему о невѣрной женѣ. Среди нихъ основнымъ является широко извѣстный на Востокѣ и Западѣ сказочный мотивъ: женитьба героя, его уговоръ съ женой о томъ, что пережившій изъ обоихъ супруговъ долженъ сопровождать другого въ могилу, смерть жены, пребываніе мужа съ тѣломъ ея въ землѣ его битва со змѣемъ, въ результатъ которой происходитъ воскрешеніе мертвой жены и выходъ обоихъ супруговъ изъ могилы. Въ былинѣ къ этой сказочной темѣ тѣсно примкнула другая также изъ области широко распространенныхъ по всему міру сказаній о невѣрныхъ женахъ, именно, о томъ, какъ увезенная похитителемъ жена пытается убить своего перваго мужа, но въ концѣ-концовъ сама несетъ должное наказаніе. Различные пересказы былины вносятъ въ нее и многіе другіе сказочные мотивы и подробности, иногда очень интересныя для изученія бродячихъ сказочныхъ повѣствованій, каковъ, напримѣръ, поэтической эпизодъ о превращеніи бѣ-

лой лебедушки въ дѣвицу или пригвожденіе къ стѣнѣ муж-^ълихой женой, чему, кстати, находится очень близкая параллель въ германской „Пѣсни о Нибелунгахъ“.

Несмотря на такой сплавъ былины изъ разнородныхъ сказочныхъ международныхъ мотивовъ, все же и на основаніи этой былины можно сдѣлать нѣкоторыя историческія заключенія. Проникновеніе въ былину имени болгарскаго святаго змѣборца легче всего могло произойти въ области, сосѣдней съ Болгаріей. Таковой была Галицкая Русь, какъ было указано, оставившая опредѣленный слѣдъ на русскихъ былинахъ. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этому можетъ послужить названіе Марьи, Лебеди бѣлой, во многихъ пересказахъ былины—Подоленькой, (т. е. изъ Подоліи). Время торжественнаго перенесенія мощей св. Михаила изъ Потоуки въ Тырновъ (въ 1206 г.), несомнѣнно оживившаго память и легенды о немъ, совпадаетъ съ эпохой наибольшаго расцвѣта Галицко-волинской Руси и ея культурныхъ связей съ Болгаріей.

Текстъ приведенъ по сборнику Гильфердинга № 52.

Литература. А. Н. Веселовскій Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VI—X. Спб. 1883 гл. IX. Праведный Михаилъ изъ Потоуки. В. с. О. Миллеръ. Очерки русской народной словесности. I. 1897. Стр. 122—123. В. И. Ярко. Эпические элементы, пріуроченныя къ имени Михаила Потоука. Этнографическое Обзоріе. Кн. 86—87.